

И.Б. Губанов

**КРОВНАЯ МЕСТЬ И РОДОВАЯ ТЯЖБА
В НАРОДНОМ СОБРАНИИ
КАК ОСНОВА ТРАДИЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ
(на материале исландских родовых саг)**

1. Исландские родовые саги как исторический источник

Существует мнение, что исландские родовые саги, повествующие о событиях, случившихся столетиями ранее их записи в XIII–XIV вв., отражают преимущественно исторические реалии времени их записи. Я категорически не согласен с этим утверждением и как социальный антрополог, и как специалист по материальной культуре древних скандинавов. Основным материалом саг послужили устные рассказы очевидцев описанных в них событий, передаваемые на протяжении столетий из поколения в поколение. Таким образом, по способу передачи и фиксации информации исландские родовые саги напоминают прозу Халифата Аббасидов, в которой, однако, в отличие от саг, каждую историю предваряет список передатчиков информации, явно указывающий на ее первоначально устный характер.

Нельзя не заметить, что общественные реалии классических родовых саг резко контрастируют с реалиями их записи, то есть реалиями эпохи владычества Стурлунгов, а затем прямого управления Исландией норвежскими конунгами. В эпоху записи саг решения народного собрания носили уже чисто формальный характер, господствовало право силы, Исландией распоряжались немногие хавдинги, втянувшие исландский народ в кровопролитную гражданскую войну. Эти хавдинги ездили на поклон к норвежскому конунгу Хакону, который умело использовал их распри для окончательного подчинения Исландии. В эпоху письменной фиксации первоначально устных рассказов саг уже не могло быть и речи ни о правовом равенстве исландцев, ни об отсутствии государства, ни о конфликтах большесемейных коллективов как стержневой канве событий классических исландских родовых саг [Исландские саги 2004: 379–386]. Таким образом,

архаичное общество исландских родовых саг IX — первой половины XI в., ничем принципиально не отличающееся от общества древних германцев, описанное Тацитом в I в. н.э., и общество времен их записи (XIII–XIV вв.), показанное, например, в «Саге об исландцах» Стурлы Тордарсона [2007], различаются кардинально.

В исландских родовых сагах легко опознать реалии материальной культуры эпохи викингов. Так, в «Саге о Ньяле» (19 наиболее старых списков датируются 1300–1550 гг.) в повествовании о сожжении семьи Ньяля сказано, что, когда из горящего хутора, прикрывшись женской накидкой, ускользнул сын Ньяля Хельги, то он, защищаясь от дружинников Флоси, отрубает одному из них низ щита вместе с ногой. Для обозначения низа щита используется слово, означающее рыбий хвост: «*hann hafði haft sverð undir hendi sér ok hjó til mannz ok kom I skjöldinn ok af sporðinn ok fótinn af manninum. Þá kom Flosi at ok hjó á hals Helga, svá at þegar tók af hqfuðit*» [Стеблин-Каменский 2002: 203] — «У него под рукою был меч, и он рубанул человека, и меч вошел в щит и отрубил хвост щита (*sporðr*, с суффиксированным артиклем *-inn* — «хвост рыбы, низ щита») [Там же: 264] и ногу человека. Тогда подошел Флоси и рубанул Хельги по шее, так что отлетела голова» (перевод мой. — И.Г.). Таким образом, речь идет о большом миндалевидном щите, получившем широкое распространение как раз в XI столетии. Воины с такими щитами показаны на гобелене из Байо, изображающего битву при Гастингсе [Rud 1994: 82–83].

В «Саге о Людях с Песчаного Берега» описывается богато украшенное серебром навершие меча Стейнтора, который у него был в мелком родовом столкновении на мысе Снежной Горы в Западный фьордах Исландии или, как это событие громко называет сага, битве при Лебедином Фьорде (997 г.), причем подчеркивается устный характер информации (см. ниже).

Как повествует сага, «*ok er svá frá sagt*» — «говорят», что «*hjöltin váru hvít fyrir silfri, ok vafiðr silfri meðalkaflinn ok gyldar listur á*» — «навершие (то есть части составного навершия меча) те были обделаны (букв. «побелены») серебром, и обвита серебром рукоять та, и [были] золотые пластины на [ней]». Не следует путать древнеисландские слова для обозначения навершия меча — *hjölt* — и для именован

рукояти — meðalkaflí, как это сделано в превосходном переводе саги А.В. Циммерлинга (см. авторитетный древнеисландско-английский словарь Ричарда Клисби и Гудбранда Вигфуссона [An Icelandic-English Dictionary 1957]).

Таким образом, в саге дано описание типичного оружия эпохи викингов, то есть франкского, каролингского по происхождению меча с составным навершием. Такие мечи как в Норвегии эпохи викингов, так и в Восточной Европе того времени (IX–XI вв.), судя по археологическим данным, были массовым материалом. Для некоторых особо роскошных типов таких мечей было характерно обвитие рукояти серебряной проволокой и покрытие навершия и перекрестия серебряными пластинами, орнаментированными в зверином стиле [Петерсен 2005: 43–45]. Судя по всему, у Стейнтора был меч типа S, который, по Яну Петерсену, датируется как раз второй половиной X в., что совпадает с временем битвы при Лебедином Фьорде, которая здесь описывается (997 г. н.э.). Классик скандинавской археологии описывает меч типа S следующим образом: «Для него столь же характерны утолщенная центральная часть головки навершия и прямые перекрестья, расширяющиеся на концах... Рукояти типа S снова становятся массивными и тяжелыми, подобно ранним типам первой половины IX в. Основные наиболее характерные черты этого типа — утолщенная, почти шаровидная центральная часть головки навершия и выпуклые, не имеющие ребра, стороны перекрестий... Навершие трехчастное, с крупной центральной частью и более низкими и меньшими по размеру крайними частями. На центральной части головки навершия также могут быть канавки или уступы, отчего она может показаться пятичастной. Детали рукояти подлинного типа S всегда покрыты орнаментированными серебряными пластинами... Орнамент всегда изысканный — не в виде простых вертикальных полосок, а плетеный или даже в зверином стиле. На многих мечах на торцевых сторонах перекрестий сохранились тонкие серебряные пластины с более простым, геометрическим узором. Все клинки, которые можно определить, двулезвийные; 3 из них с клеймом *Ulfberht*... На рукояти одного меча сохранилась обмотка из серебряной проволоки (C22138a из вестерхауга, Лётен (Хедмарк)). Аналогичная известна только на трех мечах типа Z

(мечи типа Z более характерны для Восточной Европы. — И.Г.)... При датировании мечей типа S следует обратить внимание на то, что в комплексах отсутствуют категории вооружения, характерные для IX в. ...Однако два топора типа L позволяют датировать тип второй половиной X в. Уверен, что к этому же времени относится топор типа M из того же комплекса, что и наконечник копья с гранями на втулке... “Погремушки” из двух комплексов относятся не к самым поздним типам, но к позднему главному типу... Я нашел один меч типа S и в Англии. На рукояти меча, очевидно, найденного в Темзе, сохранилась обмотка из серебряной проволоки, аналогичная обмотке двух норвежских мечей... И наконец, меч этого типа известен в Исландии, где найден в комплексе с копьем и топором типа K. Интересно, что данная находка подтверждает, что здесь этот тип не относится к раннему периоду эпохи викингов» [Петерсен 2005: 173–178].

Таким образом, в текстах классических родовых исландских саг представлены как социальные, так и материальные реалии не времени записи саг, а времени описываемых событий. Эти реалии могли сохраниться только при устной передаче информации через цепь передатчиков от очевидцев событий.

2. Историография вопроса

В данной работе мне бы хотелось рассмотреть настолько подробно, насколько позволяют источники, важнейший обычай — обычай кровной мести — и главный институт архаического общества древних скандинавов — народное собрание — в его главной функции — урегулирования тяжбы между коллективами родичей (преимущественно родовым коллективом убитого и родовым коллективом убийцы), иначе говоря, показать основные модели взаимодействия коллективов родичей в традиционном индоевропейском обществе. К сожалению, работы, касающиеся структуры древнескандинавского общества, были посвящены преимущественно статичным структурным единицам этого традиционного общества, главным образом расширенной семье и передаваемому по наследству хозяйству — неделимому одалю [Гуревич 2009: 179–200; Исландские саги 2004: 74–113; An Icelandic-English dictionary 1957: 179]. Другие работы грешат романтизацией «родового общества» [Мид 1988: 47–50, 91–95, 110–113, 115–130, 162–

179, 209–235] или модернизацией обычаев и институтов древней Исландии, например попытками выявить у людей архаического традиционного общества разделение законодательной и судебной власти (!) и прочие черты современного либерального общества [Стеблин-Каменский 2002: 123–126; Тордарсон 2007: 136–137].

Автор самой крупной монографии об исландских сагах В.Я. Миллер, будучи юристом, а не социальным антропологом, не рассматривал всерьез устный характер саг и, соответственно, в своем понимании древних текстов часто демонстрировал анахронизмы. Например, у него встречаются утверждения, что саги отражают реалии XII в., годы представлены не как жрецы языческого культа, а как чисто светские авторитеты, нет осторожности в сравнении обычаев саг и более позднего сборника законов «Серый Гусь» и прочее [Miller 1990: 49–51]. Самое характерное для этого не слишком историчного подхода, что автор приводит в качестве текста, наиболее полно, с его точки зрения, характеризующего поведение героев саг, «Сагу о Торстейне Битом» (написана в 1250–1275 гг.), явно подвергнушуюся сильной литературной переработке [Miller 1990: 52–76]. Также вызывает сожаление, что, прекрасно зная древнеисландский язык, Миллер приводит в своей книге только переводы фрагментов саг на английский язык и не приводит оригинал. Впрочем, следует воздать должное новаторству американского ученого, сумевшего порвать с близорукой традицией авторитетной исландской школы Fónnritt, рассматривавшей саги как авторскую художественную литературу чистого вымысла и не видящей отличия психологии древних исландцев от психологии современных людей. К числу ценнейших мыслей Миллера следует причислить тезис о письменной фиксации саг именно в эпоху разрушения традиционного исландского общества и его ценностей.

3. Некоторые общие черты догосударственных традиционных обществ

Прежде необходимо перечислить субстанциональные черты традиционных догосударственных обществ, к числу которых относилось общество древних скандинавов:

1. Во многих догосударственных древних обществах, в том числе у народов, говоривших не на языках индоевро-

пейской семьи, как известно, существовал обычай кровной мести — первейший долг мужчины и основная причина вооруженных конфликтов. Преимущественно для замирения родовых распрей служило народное собрание, выносившее вердикт согласно нормам традиционного общества. У многих народов мира, в отличие от практики древних индоевропейцев, функции народного собрания брал на себя совет старейшин (например, у многих африканских народов).

2. Основной ячейкой большинства традиционных обществ была расширенная семья, то есть три поколения родичей жили под одной кровлей, сообща владея движимым и недвижимым имуществом, ведя скотоводческое, земледельческое или смешанное хозяйство. Естественно, ведущими подтипами расширенной семьи была либо патрилокальная расширенная семья, когда сыновья со своими женами и детьми жили в доме отца, либо матрилокальная, когда мужчины покидали семью и переселялись в дома жен и их матерей. Хозяйство, главное имущество в первом случае передавалось от отца к сыну (как правило, старшему сыну), во втором — от матери к дочери. Для древних индоевропейцев — это патрилокальная расширенная семья.

Соответственно, важные вопросы, касающиеся жизни общины, решали главы расширенных семей, которые и составляли народное собрание. Надо думать, что народное собрание древних германцев представляет собою не только институт, пришедший из глубокой индоевропейской древности, но и некую универсалию в догосударственных обществах, основанных на представительстве коллективов родичей — расширенных семей. У тех же полинезийцев, жителей тихоокеанских островов Самоа, в каждой деревне важнейшую роль при принятии решений играло собрание глав расширенных семей (*матаи*), которое называлось *Фоно*. В принципе статус полинезийского домохозяина *мануа* и статус исландского домохозяина *бонда* — это один и тот же статус, хотя, конечно, индоевропейское общество было более патриархальным. Соответственно между собранием исландских бондов *тингом* и собранием полинезийских «старейшин» (*мануа*) нет существенного типологически-структурного различия. В старину, до полевого исследования М. Мид, общество полинезийцев, возможно, было куда

более воинственным, что еще более сближает полинезийское и древнеисландское общества. М. Мид так описывает статус *матаи* и функции их собрания *Фоно* в 1926 г. на Самоа. Юноша «надеется, что будущее принесет ему звание *матаи*, титул, который дается члену *Фоно* — собрания глав семейств. Это звание дает ему право пить каву с вождями, работать с ними, а не с молодежью, право сидеть в общинном доме в присутствии старших, хотя оно «промежуточно» по своему характеру и не несет с собой всей полноты прав. Но лишь в очень редких случаях он может быть абсолютно уверен в получении и этого звания. Каждая семья располагает несколькими такими титулами, и достаивает она ими своих самых перспективных юношей. Поэтому у него много конкурентов. Все они тоже члены ауманги (собрания юношей и нетитулованных старцев, см. ниже. — *И.Г.*), и он должен соперничать с ними во всех делах группы... Если же он будет поспешать медленно, не слишком бросаясь в глаза, то у него хорошие шансы стать вождем. Если он достаточно талантлив, то само *Фоно* может подумать о нем, подыскав для него и даровав ему вакантный титул, чтобы он смог сидеть в кругу стариков и учиться мудрости. Тем не менее нежелание молодых людей добиваться этой чести настолько распространено и хорошо известно, что им всегда внушают: “Если молодой человек всегда увиливает, то ему никогда не быть вождем, он всегда должен будет сидеть за порогом дома, готовя и разнося пищу *матаи*, и не сможет заседать в *Фоно*”. Более реальна для него возможность, открываемая перед ним его собственной родственной группой, дарующей титул *матаи* одаренным молодым людям. А он хочет стать *матаи*, стать когда-нибудь, в далеком будущем, когда его члены слегка утратят свою гибкость, а в его сердце поостынет любовь к танцам и развлечениям... Самоанская деревня насчитывает тридцать или сорок семейств. Во главе каждого из них стоит старейшина, которого называют *матаи*. Все эти старейшины титулованы — у каждого из них либо титул вождя, либо титул говорящего вождя, то есть оратора, глашатая, посланника, передающего слова вождей. На официальных собраниях деревни каждый *матаи* имеет право на только ему принадлежащее место и представляет всех членов своего семейства. Он же несет за них ответственность.

Эти семейства состоят из всех индивидуумов, проживших определенное время под защитой общего *матаи*. Их состав варьирует от малой семьи, куда входят только родители и дети, до семей, состоящих из 15–20 членов, то есть до больших семей, связанных с *матаи* или его женой по крови, браку или усыновлению, не имея часто никаких близких родственных связей друг с другом. Усыновленные члены семейства обычно, хотя и не обязательно, близкие родственники» [1988: 106–109]. Более распространены были традиционные общества, регулирующиеся советами старейшин (типа описанного М. Мид), точнее, советами глав расширенных семей, а не народными собраниями всех правоспособных вооруженных мужчин, обязательно присутствовавшими на древнескандинавских тингах.

3. Как правило, родовая знать во многих традиционных обществах совмещала функции управления обществом со жреческими функциями. При этом правовой статус вождей-жрецов и обычных общинников был первоначально равным.

4. Во многих архаических обществах существовали особые коллективы юношей, которые пировали вместе и имели в обществе немалый вес. Так, аналогом *geogod* — «дружины юношей» — Беовульфа можно назвать не только древнеирландских фениев ирландских саг «Цикла Финна» и неистового героя Кухулина ирландских саг уладского цикла, но и совсем неиндоевропейское собрание полинезийских юношей — *ауманга* (букв. «собутельники»), которое описано в монографии М. Мид: «В семнадцать или восемнадцать лет его (юношу. — И.Г.) отправляют в *аумангу*, общество молодых и старых нетитулованных мужчин, которое, отнюдь не фигурально, а просто отдавая ей должное, называют “силой деревни”. Здесь соперничество, поучение и пример подстегивают его активность. Старые вожди, направляющие деятельность *ауманги*, одинаково неодобрительно поглядывают и на любое отставание, и на любую чрезмерную скороспелость. Престижу его группы постоянно бросают вызов *ауманги* других деревень. Товарищи осмеют и накажут юношу, случись ему пропустить какое-нибудь общее дело — расчистку плантации для деревни, выход в море за рыбой, приготовление пищи вождям, игры, устраиваемые в честь прибытия какой-нибудь почетной гостьи из соседней деревни» [Там же: 106].

5. Переход западных индоевропейцев от первоначально скотоводческого к скотоводческо-земледельческому хозяйству во многих случаях не привел к модернизации общественной структуры. Пример тому — древнеисландское общество X–XI столетий, чрезвычайно архаичное в своих субстанциональных характеристиках. Его письменные памятники и послужат для нас основным источником.

4. Краткое упоминание родовой тяжбы в народном собрании в «Илиаде»

Источники, в которых содержатся ценные сведения о родовой тяжбе на народном собрании, относятся как к эпохе Древнего мира (Илиада), так и Средневековья (исландские родовые саги). Несмотря на хронологический разрыв в два тысячелетия, они рисуют типологически сходные общества. Более того, есть все основания говорить не просто о типологическом сходстве «гомеровского» и древнеисландского обществ, а об их едином генезисе [Андреев 2004: 95–98, 351–352]. Другими словами, родовая тяжба на народном собрании существовала у древних индоевропейцев.

«Илиада» Гомера — продукт культуры общества более модернизированного, типологически более позднего, чем древнеисландское. Следствие этого — многие ценности, чуждые архаическому обществу. Так, в исландских сагах нет тем «Илиады», продиктованных более поздним, «раннегосударственным» характером гомеровского общества, например, обостренного персонализма главных героев (Ахилла, Агамемнона), вражды не из-за кровной мести, принижения рядовых участников народного собрания (безобразный и глупый Терсит) и возвеличивания знати и царей (Одиссея и Агамемнона), мести героя Ахилла за друга Патрокла, а не за родича и т.д. Тяжба на народном собрании вообще не составляет, в отличие, скажем, от исландской «Саги о Ньяле», сюжетообразующей канвы «Илиады». Однако краткое описание родовой тяжбы в народном собрании дано при описании щита Ахилла в 18-й песне «Илиады». Здесь упоминаются противоборствующие стороны, вестники и старцы — «геронты», принимающие решение в пользу какой-либо стороны, а именно, присуждающие плату за убийство [Губанов 2004: 35]. В них можно видеть некую аналогию

исландским третейским судьям (geðarmenn), которых тяжущиеся стороны часто выбирали для справедливого приговора. Древнеисландская система выбора третейских судей выглядит более связанной с волей тяжущихся сторон, следовательно, более функциональной и потому, возможно, более архаичной. Совершенно неясно, какую роль в народном собрании, описанном в «Илиаде», играл собравшийся народ — пассивных зрителей или активных участников, от которых зависел приговор. Исландский тинг действительно решал исход дела. И в этом случае древнеисландская система представляется нам более функциональной и архаичной.

5. Долг кровной мести и его определяющие следствия для общественной психологии древних исландцев

Прежде чем мы перейдем к описанию тяжбы на тинге, необходимо остановиться на существенных чертах психологии древних исландцев, вытекающих из священного обычая кровной мести и коренным образом отличающих древних индоевропейцев от людей более модернизированных обществ.

Вершить кровную месть — первоочередная обязанность мужчины. О древности и ценности такого социального поведения свидетельствует тот факт, что даже с принятием христианства кровная месть сакрализировалась и, соответственно, оправдывалась, как свидетельствует следующий эпизод «Саги о Ньяле»:

CVI, 1. Sá atburðr varð þrimr vetrum síðar á Þingskáláþingi at Ámundi enn blindi á þingi sonr Høskulds Njálssonar.

2. Hann lét leiða sik búða í millum; hann kom í búð þá, er Lýtingr var inni af Sámstöðum; hann lætr leiða sik inn í búðina ok þar fyrir, sem Lýtingr sat.

3. Hann mælti: «Er hér Lýtingr af Sámstöðum?» Segir Lýtingr: «Hvat vilt þú?»

CVI, 1. Это событие случилось тремя зимами позднее на Тинге Лошин. Амунди Слепой был там, сын Хёскульда, сына Ньяля.

2. Он велел провести себя меж землянок. Он подошел к землянке, в которой был Лютинг из Дворов Самовых. Он попросил, чтобы его ввели в ту землянку, прямо туда, где сидел Лютинг.

3. Он сказал: «Здесь Лютинг из Дворов Самовых?» Лютинг спрашивает, «а что тебе нужно от меня?»

«Ek vil vita,» segir Ámundi, «hverju þú vill boeta mér fýður minn. Ek em laungetinn, ok hefi ek við engum bótum tekit.»

4. «Boett hefi ek víg fýður þíns fullum bótum, ok tók við fýðurfaðir þinn ok fýðurbroedr, en broedr mínir váru ógildir. Ok var bæði, at ek hafða illa til gort, enda kom ek allhart niðr.»

5. «Ekki spyr ek at því,» segir Ámundi, «at þú hefir boett þeim. Veit ek at þér eruð sáttir. Ok spyr ek at því, hverju þú vill mér boeta.»
«Alls engu,» segir Lýtingr.

6. «Eigi skil ek,» segir Ámundi, «at þat muni rétt fyrir guði, svá nær hjarta sem þú hefir mér hoggvit; enda kann ek at segja þér, ef ek væra heileyrgr báðum augum, at hafa skylda ek annat hvárt fyrir fýður minn féboetr eða mannhefndir, enda skipti guð með okkr.»

7. Eptir þat gekk hann út, en er hann kom í búðardyrin, snýz hann innar eptir búðinni; þá lukuz upp augu hans.

Þá mælti hann: «Lofaðr sé, drótinn! Sé ek nú, hvat hann vill».

8. Eptir þat hleypr hann innar eptir búðinni, þar til er hann kómr fyrir Lýting ok hæggr með øxi í hofuð honum, svá at hon stóð á hamri, ok kippir at sér øxinni. Lýtingr fell áfram ok var þegar dauðr.

«Я хочу знать, — говорит Амунди, — какую [виру] ты хочешь заплатить мне за отца моего. Я — незаконнорожденный, и я не получил никакого вергельда».

4. «Уладил я все за отца твоего полным возмещением», говорит Лютинг, «и взял [виру] отец отца твоего, да братья твоего отца, а братья мои остались неотплаченными. Но ведь, хоть и я плохо сделал, меня тоже очень унизили».

5. «Не спрашиваю я тебя о том, — говорит Амунд, — что ты ублажил их. Знаю я, что вы замирились. А спрашиваю я о том, какое возмещение ты дашь мне».
«Вовсе никакого», — говорит Лютинг.

6. «Не понимаю я, — говорит Амунди, — как Бог попускает такое! Рубанул ты меня аж до сердца! И могу я сказать тебе — коли зрячими были бы у меня оба глаза — было бы у меня за моего отца денежное возмещение, или бы я свершил кровную месть! Да рассудит нас Бог!».

7. После этого он пошел вон. Но когда он проходил в дверь землянки, он обернулся. Тогда отверзлись его очи.

Тогда промолвил он: «Хвала Богу, Господу моему! Вижу я теперь, чего Ты хочешь!»

8. Затем прыгает он в землянку, подбегает к Лютингу и рубит секирой его по голове, так что она вошла по самый обух, а потом рванул на себя секиру. Лютинг падает ничком и тотчас умирает.

9. Ámundi gengr út í búðardyrin, ok er hann kom í þau en sǫmu spor, sem upp hǫfðu lokiz augu hans, þá lukuz aþtr, ok var hann alla æfi blindr síðan.

10. Eptir þat lætr hann fylgja sér til Njáls ok sona hans. Hann segir þeim víg Lýtings.

«Ekki má saka þik um slíkt,» segir Njáll, «því at slíkt er mjök ákveðit, en viðvǫrunarvert, ef slíkir atburðir verða, at stinga eigi af stokki við þá, er svá nær standa.»

11. Síðan bauð Njáll sætt frændum Lýtings; Hǫskuldr Hvítanessgoði átti hlut at við frændr Lýtings, at þeir toeki bótina, ok var þá lagit mál í gǫrð, ok féllu hálfar boetr niðr fyrir sakastaði þá, er hann þótti á eiga. Eptir þat gengu menn til tryggða, ok veittu frændr Lýtings Ámunda tryggðir.

Menn riðu heim af þingi, ok er nú kyrt lengi [Brennu-Njáls saga 1908: 247–249].

Такого рода «чудо», когда человек прозревает только для того, чтобы отомстить за отца своего, вовсе не смущало древних исландцев, а казалось естественной помощью высших сил в исполнении священного долга кровной мести.

Также можно было сражаться сразу на двух сторонах для того, чтобы отомстить. То есть необходимость совершения кровной мести была важнее дружинного долга, стояла выше противопоставления «свой — чужой». В этом смысле показательно описание битвы при Лебедином Фьорде в «Саге о людях с Песчаного Берега». Сначала рассказывается, как доставили виру в дом за раба-трэля, как после подстрекательства «домашней женщины» — служанки — завязалась потасовка при дверях, которая по отъезде противной стороны привела к стычке при Лебедином Фьорде — одном из западных фьордов Исландии. Эти события произошли около 997 г. н.э.:

9. Амунди идет к дверям землянки.

И когда он дошел до того самого места, где отверзлись его очи, тогда сомкнулись они снова, и остался он на всю жизнь слепым.

10. После этого велит он отвести себя к Ньялю и его сыновьям. Он рассказывает им об убийстве Лютинга.

«Нельзя винить тебя в этом, — говорит Ньяль, — как говориться, когда такое случается, ничего не попишешь».

11. Затем предложил Ньяль мир родичам Лютинга. Хёскульд, годи Белого Носа, приватно договорился с родичами Лютинга, что они, мол, возьмут эту виру. Делу был дан ход и наложена половинная вира, потому что требование Амунди было найдено справедливым. После этого перешли люди к клятвам, и дали родичи Лютинга Амунди клятвы.

Люди разъехались с тинга по домам, и некоторое время все было спокойно (перевод мой. — И.Г.).

XLIV, 1. Snorri goði hafði sent nábuum sínum orð, at þeir skyldu flytja skip sín undir Rauðavíkrhöfða; fór hann þegar þangat með heimamenn sína, er sendimaðr Steinþórs var farinn brott; en því fór hann eigi fyrr, at hann þóttiz víta, at maðrinn mundi sendr vera at njósna um athafnir hans.

2. Snorri fór inn eptir Álftafirði þrennum skipum, ok hafði nær fimm tigu manna, ok kom hann fyrr á Kársstaði en þeir Steinþórr.

En er menn sá ferð þeira Steinþórs af Kársstöðum, þá mæltu Þorbrandssynir, at þeir skyldu fara í móti þeim ok láta þá eigi ná at komaz í túnit — “þvíat vér höfum lið mikit ok frítt“. Þat vátu átta tigur manna.

3. Þá svarar Snorri goði: “Eigi skal þeim verja boeinn, ok skal Steinþórr ná lögum, þvíat hann mun vitrliga ok spakliga fara með sínu máli. Vil ek, at allir menn sé inni, ok kastiz engum orðum á, svá at af því aukiz vandræði manna“.

Eftir þat gengu allir inn í stofu ok settuz í bekk, en Þorbrandssynir gengu um gölf.

4. Þeir Steinþórr riðu at durum, ok er svá frá sagt, at hann væri í rauðum kyrtli ok hafði drepit upp fyrirblöðu-

XLIV, 1. Snорри Годи заранее послал своим соседям сообщить, что бы они подвели свои корабли к Заливу Красной Скалы. Едва посланный Стейнтора отбыл прочь, как Snорри выехал к Заливу, взяв с собой своих домочадцев; раньше он не выезжал из дому именно потому, что догадывался, что человек этот послан разведать о его занятиях.

2. Snорри плыл по Лебяжьему Фьорду вдоль берега; у него было три корабля и почти пятьдесят человек, и он прибыл на Двор Кара раньше Стейнтора.

Когда на Дворе Кара люди увидели, как приближается Стейнтор, сыновья Торбранда сказали, что нужно выступить им навстречу и ни в коем случае не пускать их на выгон, — «ибо войско у нас и большое, и ладное». Их было 80 человек (перевод мой. — *И.Г.*).

3. Но Snорри Годи отвечает так: — Не надо оборонять от них подступы к хутору. Нужно позволить Стейнтору действовать по закону, ибо он наверняка будет излагать свое дело разумно и не станет затевать склоку. Я хочу, чтобы все оставались в помещении и воздержались от любых слов, от которых злоключения людей только умножатся.

После этого все зашли в горницу и уселись на скамьи, а сыновья Торбранда расхаживали по настилу.

4. Стейнтор и его люди подъехали к дверям; рассказывают, что на Стейнторе был красный плащ, полы которого он вытянул наверх и запра-

num undir beltit; hann hafði fagran skjöld ok hjálm ok gyrdr sverði, þat var vel búit; hjóltin váru hvít fyrir silfri, ok vafiðr silfri meðalkaflinn ok gyldar listur á.

5. Þeir Steinþórr stigu af hes-tum sínum, ok gekk hann upp at durum ok festi á hurðark-lofann sjóð, þann er í váru tólf aurar silfrs. Hann nefndi þá vátta, at þrælsgjöld váru þá at lögum færð.

6. Hurðin var opin, en heima-kona ein var í durunum ok heyrði vátnefnuna, gekk hon þá í stofu ok mælti: “Þat er bæði,” sagði hon, “at hann Steinþórr af Eyri er drengili-gr, enda mæltiz honum vel, er hann færði þrælsgjöldin”.

7. Ok er Þorleifr kimbi heyrði þetta, þá hljóp hann fram ok aðrir Þorbrandssynir, ok síðan gengu fram allir, þeir er í stofunni váru. Þorleifr kom fyr-str í dyrrnar ok sá, at Þórðr blígr stóð fyrir durum ok hafði skjöld sinn, en Steinþórr gekk þá fram í túnit.

8. Þorleifr tók spjót, er stóð í durunum, ok lagði til Þórðar blígs, ok kom lagit í skjöldinn ok rendi af skildinum í oxlina, ok var þat mikit sár. Eptir þat hljópu menn út, varð þar bardagi í túninu.

вил себе под ремень. У него были красивые щит и шлем, а на поясе укреплен меч. Это было на редкость изысканное оружие — дольки на-вершия были обделаны серебром, а рукоять была перевита серебряной нитью и украшена позолоченными пластинками (перевод мой. — И.Г.).

5. Стейнтор и его люди спешились. Он подошел к двери и привязал к ней кошель с двенадцатью эйрирами серебра. Потом он назвал свидетелей того, что вира за убитого раба доставлена по закону.

6. Створка была распахнута, и в сенях находилась служанка, которая слышала, как объявляют свидетелей; она зашла в горницу и сказала: — Недаром рассказывают, — сказала она, — что у этого Стейнтора с Песчаного Берега мужественный вид. Да и говорит он все правильно — вон сейчас привез за раба виру.

7. Когда Торлейв Кимби это услышал, он и прочие сыновья Торбранда вскочили со своего места и выбежали вперед; за ними двинулись все те, кто был в горнице. Торлейв вбежал в сени первым; он увидел, что перед дверьми со щитом в руках стоит Торд Пучеглазый, а Стейнтор отошел дальше на выгон.

8. Торлейв схватил копье, стоявшее в сенях, и ударил им Торда Пучеглазого; удар пришелся в щит, и копье, скользнув по щиту, угодило в плечо, и это была большая рана. После этого люди выбежали наружу, и на выгоне завязалась битва.

9. Steinþórr var enn ákafasti ok hjó til beggja handa; ok er Snorri goði kom út, það hann menn stöðva vandræðin ok það þá Steinþórr ríða brott af túninu, en hann kvaðz eigi mundu láta eptir fara. Þeir Steinþórr fóru ofan eptir vellinum, ok skilði þá fundinn.

10. En er Snorri goði gekk heim at durum, stóð þar fyrir honum Þóroddr, sonr hans, ok hafði mikit sár á oxlinni; hann var þá tólf vetra. Snorri spurði, hverr hann hefði særðan.

“Steinþórr af Eyri,” sagði hann.

11. Þorleifr kimbí svarar: “Nú launaði hann þér makliga, er þú vildir eigi láta eftir honum fara; er þat nú mitt ráð, at vér skilim eigi við þetta.”

“Svá skal ok nú vera,” segir Snorri goði, “at vér skulum við eigaz fleira;“ það hann Þorleif nú segja mǫnnum, at eptir þeim skyldi fara.

12. Þeir Steinþórr vǫru komnir ofan af vellinum, er þeir sá eptirreiðina, fóru þeir þá yfir ána ok sneru síðan upp í skriðuna Geirvǫr ok þjugguz þar fyrir, þvíat þar var vígi gott fyrir grjóts sakir.

13. En er flokkur Snorra gekk neðan skriðuna, þá skaut Steinþórr spjóti at fornum síð til heilla sér yfir flokk Snorra,

9. Стейнтор был вне себя и рубил с обеих рук, как одержимый. Когда Снорри Годи вышел наружу, он просил людей не умножать неприятностей и просил Стейнтора отъехать с выгона прочь; он сказал, что сам не будет преследовать их.

Стейнтор и его люди отъехали от хутора и спустились вниз на поля, и схватка прекратилась.

10. Но когда Снорри Годи зашел обратно в сени, на пути ему повстречался его сын Тородд; у него было сильно поранено плечо. Мальчику было тогда двенадцать лет.

Снорри спросил, кто ранил его:

— Стейнтор с Песчаного Берега, — сказал тот.

11. Торлейв Кимби отвечает:

— Вот он и воздал тебе по заслугам за то, что ты не пожелал ехать за ним вдогонку. Мой совет теперь — не отпускать их на этом просто так.

— Именно так мы и поступим, — говорит Снорри, — и пообщаемся с ними еще немного.

Теперь он просит Торлейва объявить людям, что нужно ехать вдогонку.

12. Когда Стейнтор и его люди заметили погоню, они уже успели миновать поля. Тогда они переправились через реку, спешно поднялись на гряде Гейрвөр, и приготовились к бою — там было удобно держать оборону, так как камни лежали под рукой.

13. Когда отряд Снорри показался у подножия гряды, Стейнтор по древнему обычаю метнул наудачу копьё в отряд противника. Оно пролетело

en spjótiti leitaði sér staðar, ok varð fyrir Már Hallvarðsson, frændi Snorra, ok varð hann þegar óvíg.

Ok er þetta var sagt Snorra goða, þá svarar hann: “Gott er, at þat sanniz, at þat er eigi jafnan bezt at ganga síðast.”

14. Eptir þetta tókz þar bardagi mikill; ok var Steinþórr í ǫndverðum flokki sínum ok hjó á tvær hendr, en sverðit þat et búna dugði eigi, er þat kom í hlífarnar, ok brá hann því opt undir fót sér. Hann sótti þar mest at, sem fyrir var Snorri goði.

15. Styr Þorgrímsson sótti hart fram með Steinþóri, frænda sínum; varð þat fyrst, er hann drap mann ór flokki Snorra, mágs síns.

Ok er Snorri goði sá þat, mælti hann til Styr: “Svá hefnir þú Þórodds, dóttursonar þíns, er Steinþórr hefir særðan til ólífis? ok ertu enn mesti níðingr!”

Styr svarar: “Þetta fæ ek skjótt boett þér”; skipti hann þá um sínum skildi ok gekk í lið með Snorra goða ok drap annan mann ór liði Steinþórs.

16. Í þenna tíma kómu þeir at feðgar ór Langadal, Áslákr ok Illugi enn rammi, sonr hans, ok leituðu meðalgöngu; þeir höfðu þrjá tigu manna. Gekk

над большинством людей Snорри, но все же нашло для себя подходящее место и попало в Мара сына Халльварда, родича Snорри, и тот сразу сделался неспособен к бою.

Когда это доложили Snорри, он говорит так:

— Хорошо изведать на своей шкуре, что не всегда стоит идти последним.

14. После этого началась жестокая битва. Стейнтор держался впереди своего отряда и рубил с обеих рук, но его отделанный меч никуда не годился и гнулся о щит и броню; из-за этого ему часто приходилось выправлять клинок под ногой. Стейнтор больше всего стремился пробиться туда, где стоял Snорри.

15. Стюр сын Торгрима бился рядом со своим родичем Стейнтором и наступал мощно; не прошло много времени, как он убил человека из отряда Snорри, своего зятя.

Увидев это, Snорри Годи сказал Стюру:

— Вот как ты мстишь за своего племянника Тородда, которому Стейнтор нанес смертельную рану. Таких мерзавцев, как ты, трудно сыскать!

Стюр отвечает:

— Этот урон я могу возместить тебе быстро.

Затем он поворотился, примкнул к людям Snорри и убил еще одного человека — на сей раз из отряда Стейнтора.

16. В это время подросли родичи из Длинной Долины, Аслак со своим сыном Иллуги Мощным, и стали разводить бьющихся; у них было тридцать человек. В их ряды встал

þá Vermundur enn mjóvi í lið með þeim; beiddu þeir þá Snorra goða, at hann léti stöðvaz manndrápin.

Snorri bað Eyrbyggja þá ganga til griða. Þá báðu þeir Steinþór taka grið handa sínum mǫnnum.

17. Steinþórr bað Snorra þá rétta fram höndina, ok svá gerði hann. Þá reiddi Steinþórr upp sverðit ok hjó á hönd Snorra goða, ok varð þar við brestr mikill; kom höggit í stallahringinn ok tók hann mjök svá í sundr, en Snorri varð eigi sárr.

18. Þá kallar Þóroddr Þorbrandsson: “Engi grið vilja þeir halda, ok létum nú eigi fyrr, en drepnir eru allir Þorlákssynir”.

Þá svarar Snorri goði: “Agasamt mun þá verða í heraðinu, ef allir Þorlákssynir eru drepnir, ok skulu haldaz grið, ef Steinþórr vill, eptir því, sem áðr var mælt”.

Þá báðu allir Steinþór taka griðin. Fór þetta þá fram, at grið váru sett með mǫnnum þar til, at hverr koemi til síns heimilis... [Eyrbyggja saga 1897: 159–163].

и Вермунд Тоший, и они вместе потребовали от Снорри Годи остановить смертоубийство. Тогда Снорри просил Людей с Песчаного Берега подойти, чтоб заключить перемирие. Затем они попросили Стейнтора принять перемирие.

17. Тогда Стейнтор попросил Снорри протянуть руку, и тот так и сделал. Стейнтор же занес меч и ударил Снорри по руке. Раздался сильный треск; удар пришелся по кольцу жертвенному, что было надето на руку, и почти расколос кольцо надвое, но Снорри ранен не был.

18. Тут подает голос Тородд сын Торбранда:

— Они нарушат любое перемирие, и нам не след останавливаться, прежде чем все сыновья Торлака будут убиты.

Снорри отвечает так:

— Если все сыновья Торлака будут убиты, жизнь в округе станет слишком тревожной, и пусть перемирие останется в силе, если Стейнтор согласен на те условия, что объявлены ранее.

Все просили Стейнтора соглашаться. Кончилось тем, что было объявлено перемирие, чтобы каждый мог беспрепятственно добраться до дому (перевод А.В. Циммерлинга с испр. И.Г.) [Исландские саги 2004: 90–92].

Поведение Стюра характерно для человека общества родичей — он сражается на обеих сторонах, чтобы убить в обеих дружинах по человеку, ради эквивалентной виры кровью. При этом противостоящие отряды рассматриваются как аналоги коллективов родичей, выступающих как

субъекты права, поэтому не важно, какого именно человека из отряда Стейнтора, в котором он только что сражался, убил Стор.

106-я глава «Саги о Людях с песчаного Берега» содержит и другие описания традиционных архаичных действий: призывание к воротам дома виры за домашнего раба (трэля) в 12 эйриров, битву при дверях (как в древнеанглийской «Битве при Финнсбурге»), ритуальное метание копья перед сражением Стейнтором (как это сделал Один перед «первой в мире битвой», согласно «Прорицанию Вёльвы» Старшей Эдды), охранительную магию Жертвенного Кольца, которую жрец-правитель — годи — возлагал на жертвенник и на котором приносились клятвы (этот священный браслет спас Снорри Годи от вероломного удара Стейнтора).

К мести в сагах подстрекают, как правило, женщины. Вероятно, это отвечало исторической реальности, так как женщина была защищена законом, убить женщину считалось тяжчайшим злодеянием, не искупаемым никакой вирой (побить камнями женщину могли только за злокозненное колдовство). Очень выразительное описание подстрекательства к мести имеется в «Саге о Ньяле». Хильдигуд (ее имя состоит из двух имен *валькирий*, «избирательниц мертвых» в древнескандинавской мифологии, и означает «Битва Битв») подстрекает к кровной мести сыновьям Ньяля за своего убитого родича Хёскульда (воспитанника Ньяля с малолетства). Она требует мести у своего родственника — могущественного хавдинга из Восточных Фьордов по имени Флоси. Хильдигуд набрасывает на Флоси после трапезы окровавленный плащ Хёскульда, становящейся вещным символом долга отмщения. Так в «Хоэфорах» Эсхила сестра подстрекает Ореста отмстить матери за отца Агамемнона, набрасывая на брата купальное покрывало, в котором был зарублен микенский владыка. Действие происходит вскоре после принятия христианства в Исландии в 1000 г., и Хильдигуд заклинает христианина Флоси отмстить именем Христа под угрозой общественного осуждения (!). Будучи человеком основательным и осторожным и понимая пагубность кровавой междуусобицы, испытывая сильные эмоции, Флоси все же вынужден действовать согласно долгу кровной мести:

CXVI. 1. Hildiguðr var úti og mælti: «Nú skulu allir heimamenn mínir vera úti, er Flosi ríðr í garð, en konur skulu ræsta húsin ok tjalda ok búa Flosa ǫndugi.»

2. Síðan reið Flosi í túnit. Hildiguðr snæri at honum ok mælti: «Kom heill ok sæll, frændi! ok er fegit orðit hjarta mitt tilkvámu þinni.»

«Hér skulu vér,» segir Flosi, «eta dagverð ok ríða síðan.»

3. Þá váru bundnir hestar þeira. Flosi gekk inn í stofuna ok settiz niðr ok kastaði í pallinn undan sér hásetinu ok mælti: «Hvártki em ek konungr né jarl, ok þarf ekki at gera háseti undir mér, ok þarf ekki at spotta mik.»

4. Hildiguðr var nær stódd og mælti: «Þat er illa, ef þér mislíkar, því at þetta gerðu vér af heilum hug.»

Flosi mælti: «Ef þú hefir heilan hug við mik, þá mun sjálft lofa sik, ef vel er, enda mun sjálft lasta sik, ef illa er.»

5. Hildiguðr hló kaldahlátr þann ok mælti: «Ekki er enn mark at, nær munu vit gangaz, áðr lýkr». Hon settiz niðr hjá Flosa, ok tǫluðu þau lengi hljótt.

6. Síðan váru borð tekin, en Flosi tók laugar ok lið hans; Flosi hugði at handklæðinu, ok var þat raufar einar ok numit til annars endans.

7. Hann kastaði í bekkinn, ok vildi eigi þerra sér á ok reist af borðdúkinum ok þerði sér þar á ok kastaði til manna sinna; síðan settiz Flosi undir borð ok bað men eta.

CXVI. 1. Хильдигуд стояла снаружи и молвила: «Теперь должны все мои домочадцы быть снаружи, когда Флоси въедет во двор, а женщины должны убрать дом, накрыть на стол и приготовить Флоси трон».

2. Потом въехал Флоси в тын тот. Хильдигуд повернулась к нему и молвила: «Входи, будь здоров и счастлив, родич, сердце мое возрадовалось твоему приходу!»

«Здесь мы пообедаем, — говорит Флоси, — а потом поедем».

3. Тогда привязали лошадей их. Флоси вошел в пиршественный зал, уселся, отбросил от себя трон и сказал: «Не конунг я и не ярл, и не нуждаюсь я в том, чтобы для меня водружали трон, мне не нужно, чтобы меня осмеивали».

4. Хильдигуд стояла рядом и молвила: «Плохо, коли тебе не нравится, потому что мы сделали это от чистого сердца».

Флоси сказал: «Если у тебя чистая душа по отношению ко мне, тогда она сама себя похвалит, и сама себя посрамит, коли она злая».

5. Хильдигуд засмеялась ледяным смехом и сказала: «Как знать, там видно будет».

Она уселась рядом с Флоси и долго они беседовали шепотом.

6. Потом поставили доску стола, а Флоси и его дружина взяли корыта для умывания. Флоси глянул на рушник — там были одни дыры, и был он порван с другого конца.

7. Он бросил рушник на скамью, не захотел вытираться им и оторвал от скатерти кусок, вытерся им и бросил его своим людям. Потом сел Флоси за стол и велел своим людям есть.

8. Þá kom Hildiguðr í stofuna ok greiddi hárit frá augum sér ok grét.

Flosi mælti: «Skapþungt er þér nú, frændkona! en þó er þat vel, er þú grætr góðan mann.»

9. «Hvert eptirmæli skal ek af þér hafa», segir hon «eða liðveislu?»

Flosi mælti: «Soekja mun ek mál þitt til fullra laga eða veita til þeira sætta, er góðir menn sjá at vér sém vel soemðir af í alla staði».

10. Hon mælti: «Hefna myndi Høskuldr þín, ef hann ætti eptir þik at mæla».

Flosi svaraði: «Eigi skortir þik grimmeik, ok sét er, hvat þú vill».

11. Hildiguðr mælti: «Minna hafði misgört Arnórr ornlólfsson ór Forsárskógum við Þórð Freysgoða, fōður þinn, og vágú broeðr þínir hann á Skaptafellspingi, Kolbeinn og Egill.»

12. Hildiguðr gekk þá fram í skála ok lauk upp kistu sína; tók hon þá upp skikkjuna, er Flosi hafði gefit Høskuldi ok í þeiri var hann veginn ok hafði hon þar varðveitt í blóðit allt.

13. Hon gekk þá innar í stofuna með skikkjuna; hon gekk þegjandi at Flosa. Þá var Flosi mettr ok af borit af borðinu. Hildiguðr lagði yfir Flosa skikkjuna; dunði þá blóðit um hann allan.

14. Hon mælti þá: «Þessa skikkju gaft þú, Flosi, Høskuldi, ok vil ek nú gefa þér aftr! Var hann í þessi veginn.

8. Тогда вошла Хильдигуд в палаты, подошла к Флоси, убрала волосы с очей своих и заплакала.

Флоси молвил: «Ныне тяжело у тебя на душе, родственница, однако хорошо, что ты оплакиваешь доброго человека».

9. «Какую поддержку», говорит она, «или помощь я от тебя получу?»

Флоси молвил: «Довежу я тяжбу твою до конца в соответствии со всеми законами или добьюсь такого мира, что добрые люди увидят, что мы в чести где бы то ни было».

10. Она молвила: «Отмстил бы Хёскульд за тебя, если бы ему пришлось вести дело из-за тебя».

Флоси ответил: «Немало в тебе жестокости, и видно, чего ты хочешь».

11. Хильдигуд сказала: «Меньше навредил Арнор, Орнольвов сын, из Лесов Водопадной Реки, Торду, годи Фрейра, отцу твоему, но убили его братья твои, Коль-Бейн и Эгилль, на тинге в Скаптафелле».

12. Хильдигуд пошла тогда в светлицу и открыла свой сундук. Там она взяла плащ, тот самый, что Флоси прежде дал Хёскульду. В том плаще Хёскульд был убит, и она сохранила его, весь в крови.

13. Потом она вошла в палаты с тем плащом. Она подошла молча к Флоси. Флоси уже сытно поел, и со стола было прибрано. Хильдигуд накинула на Флоси этот плащ; обсыпало всего Флоси кровью той.

14. Тогда она молвила: «Этот плащ дал ты, Флоси, Хёскульду, и хочу я теперь отдать тебе его назад. Был он в нем убит.

15. Skýt ek því til guðs ok góðra manna, at ek soeri þik fyrir alla krapta Krists þíns ok fyrir manndóm ok karlmensku þína, at þú hefnir þeira allra sára, sem hann hafði á sér dauðum, eða heita hvers manns níðingr ella».

16. Flosi kastaði af sér skikjunnri ok rak í fang henni ok mælti: «Þú ert et mesta forað ok vildir, at vér toekim þat upp, er qllum oss gegndi verst, ok eru kold kvenna ráð».

17. Flosa brá svá við, at hann var í andliti stundum sem blóð, en stundum fqlur sem gras, en stundum blár sem hel [Brennu-Njálssaga, 1908: 263–265].

15. Призываю я Бога и добрых людей в свидетели того, что я заклинаю тебя всеми силами Христа твоего, мужеством и отвагой твоею, чтобы ты отомстил за каждую рану, которая была на мертвом Хёскульде, или будешь зваться мерзавцем, каких не сыскать!»

16. Флоси сбросил с себя тот плащ, швырнул его ей в руки и промолвил: «Ты — самое большое чудовище и хочешь, чтобы мы взялись за то, от чего всем нам придется хуже некуда. Ледяные женщин советы!»

17. Флоси это потрясло так, что он в лице становился то словно как кровь, то бледный, как трава, то синий (или черный. — И.Г.), как Хель (перевод мой. — И.Г.).

Интересно для исследователя психологии представителей общества родичей подстрекательство служанки годи (жреца-правителя) Хравнкеля в «Саге о Хравнкеле, годи Фрейра». Она подстрекает Хравн-Келя убить брата его кровного врага Сама по имени Эйвинд. Эйвинд провел вне Исландии семь лет и потому у Хравнкеля с ним не могло быть никаких личных счетов. Однако он — ближайший родственник Сама, да еще к тому же знатный и славный человек, поэтому его убийство должно принести Хравнкелю честь, как полагает служанка. Действительно, ведь субъект права архаического общества не личность, а коллектив родичей, поэтому убийство ближайшего родича кровника выглядит вполне логичным и оправданным с точки зрения этики общества родичей. Хравнкель сначала, как положено, неодобрительно высказывается в адрес подстрекательницы (см. уже цитированный эпизод с подстрекательством Хильдигуд и реакцией на него Флоси), но тотчас собирает дружину для нападения на Эйвинда (подр. см.: [Губанов 2004: 25–26]).

Для замирения противостоящих коллективов родичей существовал обычай передачи на воспитание ребенка в качестве заложника. При этом воспитатель должен был с любо-

вью воспитывать мальчика, словно собственного сына. Передача на воспитание в этом ключе показана в той же «Саге о Ньяле», когда Ньяль берет на воспитание мальчика Хёскульда, дабы утихомирить кровную вражду. Правда, впоследствии сыновья Ньяля убьют Хёскульда фактически без причины, по ложному навету, и в свою очередь будут сожжены Флоси и его людьми вместе с Ньялем, его супругой Бергторой и внуком в длинном доме на хуторе Ньяля. Таким образом, судебная процедура, которая будет рассмотрена ниже, далеко не всегда помогала потушить кровную вражду.

6. Судебная тяжба на народном собрании в Исландии как наследие индоевропейской древности

Саги об исландцах дают исчерпывающую картину основной процедуры на древних народных собраниях северных индоевропейцев. Эта архаичная процедура — тяжба между патрилокальными расширенными семьями убитого и убийцы с привлечением большого числа влиятельных сторонников и их дружин.

Перед тингом тяжущиеся стороны стремились заручиться поддержкой влиятельных людей. Естественно, в первую очередь следовало привлечь на свою сторону жрецов-вождей, которые именовались в Исландии годи. В этом смысле особенно показательным свидетельством «Саги о Хравнкеле, годи Фрейра» — наиболее известной саги Восточных Фьордов. В ней рассказывается, как Саму, у которого годи Хравнкель за поездку на табуированном священном коне убил сына, который был его работником, удалось привлечь на свою сторону двух знатных братьев, один из которых был годи.

Наиболее полно судебные тяжбы на тинге по делам об убийстве представлены в «Саге о Ньяле». Подробности, с которой здесь описан порядок проведения тяжб в начале XI в., уникальны даже для древнеисландской саговой традиции. Мы словно смотрим в тысячелетнее прошлое с огромным увеличением, за мелкими стычками скрываются большие человеческие драмы, непохожие на нас люди общества родичей встают перед нами, как живые...

Часто для решения родовой распри тяжущиеся коллективы родичей выбирали **коллегию третейских судей из 12 человек**. Таким образом пытались замириться патрилокальная

расширенная семья Няля и Флоси со своими людьми, предьявивший иск к сыновьям Няля за убийство Хёскульда, родича своего. Несмотря на то что была заплачена огромная, беспрецедентная вира, примирение сорвалось:

CXXII. 1. Njáll stóð upp ok mælti: «Þess bið ek Hall af Síðu ok Flosa ok alla Sigfúsönu ok alla vára men, at þér gangið eigi í braut ok heyrið mál mitt.»

Þeir gerðu svo.

2. Hann mælti þá: «Svá sýniz mér, sem mál þetta sé komit í ónýtt efni, ok er þat at líkendum, því at af illum rótum hefir upp runnit. Ek vil yðr kunnigt gera, at ek unna meira Høskuldi en sonum mínum.

3. Ok er ek spurða, at hann var veginn, þótti mér sløkt et soetasta ljós augna minna, ok heldr vilda ek mist hafa allra sona minna ok lifði hann.

4. Nú bið ek þik, Hallr af Síðu! ok Rúnólf ór Dal, Gizur hvíta ok Einar þveræing ok Hafr enn spaka, at ek ná at sættaz á vígit fyrir hönd sona minna, ok vil ek, at geri um þeir, er bezt eru til fallnir».

5. Þeir Gizurr ok Einarr ok Hafr töludu langt ørendi sitt sinni hverr þeira ok báðu Flosa sættaz ok hétu honum sinni vináttu í mót. Flosi svaraði þá öllu vel, en hét þó eigi.

6. Hallr af Síðu mælti til Flosa: «Vill þú nú efna orð þín ok

CXXII. 1. Няль встал и молвил: «Прошу я Халя с Побережья и Флоси, и всех сыновей Сигфуса, и всех наших людей, чтобы вы не шли прочь и выслушали мою речь».

Они так и сделали.

2. Тогда он сказал: «Так кажется мне, что дело это пришло в бесполезное состояние, и этого следовало ожидать, потому что произошло оно от злых корней. Я хочу, чтобы вам было известно, что я любил Хёскульда больше, чем моих сыновей.

3. И когда я узнал, что он убит, показалось мне, что угас вернейший свет очей моих, и лучше бы я потерял всех моих сыновей, а он бы жил.

4. Ныне прошу я вас, Халь с Побережья и Рунольв из Долины, Гицур Белый и Эйнар с Поперечной Реки, и Хавр Мудрый, чтобы я смог примириться в этой распре (букв. — «войне»), [приняв дело] из рук моих сыновей, и хочу я, чтобы это сделали бы те, кто этого больше всего достоин».

5. И Гицур, и Эйнар, и Хавр по очереди долго говорили с Флоси, как им было поручено, и просили Флоси замирииться, и обещали ему свою дружбу взамен. Флоси на все отвечал хорошо, но ничего не обещал.

6. Халь с Побережья сказал Флоси: «Хочешь ли ты ныне исполнить

veita mér boen mína, er þú veit at veita mér, þá er ek kom utan Þorgrimi Digr-Ketils syni, frænda þínum, er hann hafði vegit Halla enn rauða?» свое слово, данное мне, и отдать долг, который ты обещался вернуть, когда я вывез из Исландии Торгрима, сына Толстого Кетиля, когда он убил Халля Рыжего?»

7. Flosi mælti: «Veita vil ek þér, mágr! Því at þú munt þess eins biðja, at mín soemð sé þá meiri en áðr».

Hallr mælti: «Þá vil ek, at þú sættiz skjótt ok látir góða menn gera um ok kaupir þú þér svá vináttu enna beztu manna».

8. Flosi mælti: «Þat vil ek yðr kunnigt gera, at ek vil gera fyrir orð Halls mágs míns ok annarra enna beztu manna, at hann geri um ok enir beztu menn af hvárra hendi, loqliga til nefndir. Þykki mér Njáll makligr vera, at ek unna honum þessa».

9. Njáll þakkaði honum ok þeim öllum ok aðrir þeir, er hjá váru, ok kváðu Flosa vel fara.

10. Flosi mælti: «Nú vil eg nefna mína gerðarmenn, nefni ek fyrstan Hall mág minn, ok qzur frá Breiðá, Surt Ásbjarnarson ór Kirkjuboe, Móðólf Ketilsson» — hann bjó þá í Ásum — «Hafr ok Rúnólf ór Dal, ok mun þat einmælt, at þessir sé bezt til fallnir af öllum mínum mönnum».

11. Vað hann nú Njál nefna sína gerðarmenn. Njáll stóð upp ok mælti: «Til þessa nefni ek fyrstan Ásgrím Elliða-Gríms-

7. Флоси молвил: «Воздать [добром] хочу я тебе, теть [за родича моего], потому что ты станешь просить меня только о том, от чего мне будет больше чести!»

Халь сказал: «Тогда хочу я, чтобы ты скорее примирился бы и позволил бы добрым людям вершить [приговор], и купил бы ты себе так дружбу лучших людей».

8. Флоси сказал: «Хочу я, чтобы вам стало известно, что я намерен действовать по слову Халля, родича моего, и других этих лучших людей, чтобы дело решал бы он и эти лучшие люди с каждой стороны (букв. «руки». — И.Г.), как положено по закону. Мне кажется, что Ньяль достоин того, чтобы я его так уважил».

9. Ньяль поблагодарил его и их всех, а другие, кто был поблизости, сказали, что Флоси поступил хорошо.

10. Флоси сказал: «Теперь я хочу называть моих третейских судей. Называю я первым Халля, тестя моего, и Эцура с Широкой Реки, Сурта, Асбьёрнова сына, с Церковного Двора, Модольва, Кетилева сына», — он жил тогда в Грядях — «Хавра и Рунольва из Долины. И, наверное, все скажут, что это лучшие из всех моих людей».

11. Попросил он тогда Ньяля назвать своих третейских судей. Ньяль встал и промолвил: «Называю я первым Асгрима, сына Лодейного Грима, и

son ok Hjalta Skeggjason, Gizur hvíta, Einar þveræing, Snorra goða, Guðmund enn ríka».

12. Síðan tókuz þeir í hendr Njáll ok Flosi ok Sigfússsynir, ok handsalaði Njáll fyrir alla sonu sína ok Kára þat sem þessir tólf menn doemði, ok mátti svá at kveða, at allr þingheimr yrði þessu feginn.

13. Váru þá sendir menn eptir Snorra ok Guðmundi, því at þeir váru í búðum sínum. Var þá mælt, at dómendr skyldi sitja í lögrettu, en allir aðrir gengi í braut.

CXXIII, 1. Snorri goði mælti svá: «Nú eru vér hér tólf dómendr, er málum þessum er til skotit. Vil ek biðja yðr alla, at vér hafim enga trega í málum þessum, svá at þeir megi eigi sáttir verða.»

2. Guðmundr mælti: «Vilið ér nokkut heraðssekðir gera eða útanferðir?» «Engar,» segir Snorri, «því at þat hefir opt illa efnt, ok hafa menn fyrir þat drepnir verit ok orðit ósáttir, en gera vil ek fésætt svá mikla, at engi maðr hafi dýrri verit hér á landi en Høskuldr».

3. Hans orð mæltuz vel fyrir. Síðan töludu þeir um málit ok urðu eigi á sáttir, hverr fyrst skyldi upp kveða, hversu mikil fésekð vera skyldi, ok kom svá, at þeir hlutudu, ok hlaut Snorri upp at kveða.

Хьяльти, Скеггиева сына, Гицура Бельлого, Эйнара с Поперечной Реки, Снорри Годи, Гудмунда Могучего».

12. Потом взялись они за руки, Ньяль и Флоси, и сыновья Сигфуса, и поручился Ньяль за всех своих сыновей и за Кари, тестя своего, исполнить то, что эти двенадцать человек присудили бы, и можно так сказать, что весь сход обрадовался этому [решению].

13. Послали тогда людей за Снорри и Гудмундом, потому что они были в своих землянках. Было тогда сказано, что судьи должны заседать в лёгретте, а все другие пусть пойдут прочь.

CXXIII, 1. Снорри Годи молвил так: «Теперь нас здесь двенадцать судей, приданных этому делу. Хочу я просить вас всех, чтобы мы не повредили бы этому делу так, чтобы они не смогли бы замирииться.»

2. Гудмунд сказал: «Ты хочешь сделать кого-нибудь изгнанником из херада или из страны?» «Никого», говорит Снорри, «потому что это часто плохо кончается, и из-за этого были убиты люди и умножились немирья. Однако хочу я сделать плату за мир такой большой, чтобы никакой человек не обошелся бы дороже здесь на земле [нашей], чем Хёскульд».

3. Его слово было хорошо воспринято. Потом говорили они о деле том, но не пришли к соглашению, кто первый должен высказаться, насколько большой должна быть вира. И кончилось тем, что они бросили жребий, и выпало высказаться Снорри.

4. Snorri mælti: «Ekki mun ek lengr yfir þessu sitja. Mun ek nú segja yðr, hvat mitt ákvæði er, at ek vil Hǫskulda boeta láta þrennum manngjöldum; en þat eru sex hundruð silfrs. Skuluð ér nú at gera, ef yðr þykkir of mikit eða of lítit».
5. Þeir svöruðu, at þeir vildu hvergi at gera. «Þat skal ok fylgja, at hér skal allt féit upp gjaldaz á þinginu.»
6. Þá mælti Gizurr hvíti: «Þetta þykki mér varla vera mega, því at þeir munu hafa lítinn einn hlut til at gjalda fyrir sik».
7. Guðmundr mælti: «Ek veit, hvat Snorri vill. Þat vill hann, at vér gefim til allir gerðarmenninir slíkt sem várr er drengskapr til, ok munu þar þá margir eptir gera».
8. Hallr af Síðu þakkaði honum ok kvez gjarna vilja til gefa sem sá, er mest gæfi til; játuðu því þá allir gerðarmenn; eptir þat gengu þeir í braut ok réðu þat með sér, at Hallr skyldi segja upp gerðina at Lögbergi.
9. Eptir þat var hringt ok gengu allir menn til Lögbergs. Hallr stóð upp ok mælti: «Mál þessi, er vér hǫfum gort um, hǫfum vér orðit á sáttir ok hǫfum gort sex hundruð silfrs.
10. Skulu vér gjalda upp helminginn gerðarmenn, ok skal hér allt goldit á þinginu. Er þat boenarstaðr minn til allrar alþýðu, at nǫkkurm hlut gefi til fyrir guðs sakir».
4. Snорри молвил: «Не собираюсь я долго над этим сидеть. Сразу скажу вам, каков мой приговор. Я хочу, чтобы за Хёскульда возместили тройной платой за человека, и это — шесть сотен серебра. Теперь вы должны рядить иначе, если вам кажется, что это слишком много или мало».
5. Они ответили, что они не хотят ничего поправлять. «И к этому надо прибавить», сказал он, «что нужно все деньги выплатить здесь, на этом тинге».
6. Тогда вымолвил Гицур Белый: «Кажется мне, это едва ли возможно, потому что у них, должно быть, имеется только небольшая часть того, что им требуется заплатить за себя».
7. Гудмунд сказал: «Я знаю, чего хочет Snорри. Он хочет, чтобы мы все, судьи, дали бы столько, сколько нам подобает, и тогда многие впоследствии сделают так же».
8. Халь с Побережья поблагодарил его и сказал, что охотно желает дать столько же, сколько тот, кто даст больше всех. Согласились с этим тогда все третейские судьи. После этого пошли они прочь и решили меж собою, что Халь должен возглавить этот приговор со Скалы Закона.
9. После этого прозвонил колокол, и пошли все люди к Скале Закона. Халь встал и молвил: «В деле этом, которое мы уладили, мы пришли к согласию и присудили шесть сотен серебра.
10. Мы, третейские судьи, должны выплатить половину, и все должно быть выплачено здесь, на этом тинге. И в том состоит просьба моя ко всему народу, чтобы дал бы он какую-нибудь долю [виры] ради Бога».

11. En allir svöruðu vel. Nefndi Hallr þá vátta at gerðinni, at engi skyldi hana rjúfa mega. Njáll þakkaði þeim gerðina. Skarphedinn stóð hjá ok þagði ok glotti við.
12. Gengu menn þá frá Lögbergi ok til búða sinna. En gerðarmenn báru saman í búanda kirkjugarði fé þat, sem þeir höfðu heitit til at leggja.
13. Synir Njáls seldu fram fé þat, er þeir höfðu, ok svá Kári; ok var þat hundrað silfrs. Njáll tók þá fé þat, er hann hafði; ok var þat annat hundrað silfrs.
14. Síðan var fé þetta borit allt saman í lögrettu, ok gáfu menn þá svá mikit til at engan pening vantaði á.
15. Njáll tók silkisloeður ok bóta ok lagði á hrúguna ofan. Síðan mælti Hallr til Njáls, at hann skyldi ganga eptir sonum sínum — «en ek mun ganga eptir Flosa, ok veiti nú hvárir öðrum tryggðir».
16. Njáll gekk þá heim til búðar sinnar ok mælti til sona sinna: «Nú er málum várum komit í gott efni. Vér erum menn sáttir en fé allt komit í einn stað.
17. Skulu nú hváirtveggju ganga til ok veita öðrum gríð ok tryggðir. Vil ek nú biðja yðr, at þér spillið í engu um».
18. Skarphedinn strauk um ennit ok glotti við. Ganga þeir nú allir til lögrettu. Hallr gekk til móts við Flosa og mælti: «Gakk þú nú til
11. И все ответили одобительно. Назвал тогда Халь свидетелей этому приговору, чтобы его невозможно было нарушить. Ньяль поблагодарил их за приговор. Скарпхедин стоял рядом и молчал, и ухмылялся.
12. Люди пошли тогда от Скалы Закона в свои землянки. А третейские судьи собрали все деньги на церковном дворе бондов, все те деньги, которые они обещали доложить.
13. Сыновья Ньяля выдали те деньги, которые они имели, также и Кари, и это — сотня серебра. Ньяль принес те деньги, которые у него были, и это — другая сотня серебра.
14. Потом были все эти деньги скопом снесены в лёгретту, и додали люди тогда так много, что собрали все до последнего пенинга.
15. Ньяль взял шелковое женское длинное одеяние и сапоги и положил на эту кучу сверху. Затем сказал Халь Ньялю, что он должен пойти за сыновьями своими, «а я пойду за Флоси, и ныне они дадут друг другу клятвы».
16. Тогда Ньяль пошел домой, в свою землянку, и обратился к своим сыновьям: «Теперь дела наши пришли в доброе состояние. Мы — люди примирившиеся, а все деньги снесены в одно место.
17. Теперь должны обе стороны пойти и дать друг другу мир и клятвы. Сейчас я хочу попросить вас, чтобы вы не испортили [дело] никоим образом».
18. Скарпхедин провел рукой по лбу и ухмыльнулся. Теперь все они идут в лёгретту. Халь вышел навстречу Флоси и предложил: «Теперь ты иди в лё-

lǒgréttu, því at nú er féit allt vel af hendi goldit ok saman komit í einn stað».

19. Flosi bað Sigfússonu ganga til með sér; gengu þeir þá út allir; þeir gengu austan at lǒgréttu. Njáll gekk vestan at lǒgréttu ok synir hans. Skarpheðinn gekk á meðalpallinn ok stóð þar.

20. Flosi gekk í lǒgréttu at hyggja at fénu ok mælti: «Þetta fé er mikit ok gott ok vel af höndum greitt, sem ván er at». Síðan tók hann upp sloeðurnar ok spurði, hverr þær til myndi hafa gefit, en engi svaraði honum.

21. Í annat sinn veifði hann sloeðunum ok spurði, hverr til myndi hafa gefit, ok hló at, ok svaraði engi.

Flosi mælti: «Hvart er, at engi yðvarr veit hverr þenna búning hefir átt, eða þorið þér eigi at segja mér?»

22. Skarpheðinn mælti: «Hvat ætlar þú, hverr til hafi gefit?»

Flosi mælti: «Ef þú vill þat vita, þá mun ek segja þér, at ek ætla, at til hafi gefit faðir þinn, karlinn skegglaus, því at margir vitu eigi, er hann sjá, hvárt hann er karlmaðr eða kona».

23. Skarpheðinn mælti: «Illa er slíkt gort, at sneiða honum afganglum, er engi hefir áðr til orðit dugandi maðr. Meguð ér þat ok vita, at hann er karlmaðr, því at hann hefir sonu átt við konu sinni. Hafa fáir várir

гретту, потому что все выплачено хорошо, из рук в руки, и все собрано в одном месте».

19. Флоси попросил сыновей Сигфуса пойти с ним; все они тотчас вышли; они вошли в лёгретту с востока. Ньяль и сыновья его вошли в лёгретту с запада. Скарпхедин подошел к Срединной Скамье (или «взошел на Срединный Помост». — *И.Г.*) и встал там.

20. Флоси вошел в лёгретту, чтобы прикинуть, сколь велики деньги, и промолвил: «Большие это деньги и добрые, и хорошо из рук в руки выплачены, как и следовало ожидать».

Потом поднял он то женское длинное одеяние и спросил, кто ж это его дал, но никто не ответил ему.

21. В другой раз помахал он тем женским одеянием и спросил, кто его положил, и рассмеялся, но опять никто не ответил.

Флоси сказал: «Так что, никто из вас не знает, кто владел этой одеждой, или вы не смеее сказать мне?»

22. Скарпхедин сказал: «А как ты думаешь, кто [это] подложил?»

Флоси ответил: «Если ты хочешь это знать, тогда я скажу тебе, что я думаю так: это подложил отец твой, этот мужик безбородый, потому что многие не знают, когда его видят, мужик он или баба».

23. Скарпхедин молвил: «Ох и худо так поступать — оскорблять этого старца, никакой достойный муж так прежде не делал. И уж способен ты понять, что он настоящий мужчина, потому что он прижил сыновей со своей женою. Мало наших родичей

frændr legit óboettir hjá garði várurum, svá at vér hafim eigi hefnt».

24. Síðan tók Skarphedinn til sín sloeðurnar en kastaði brókum blám til Flosa ok kvað hann þeira meir þurfa.

Flosi mælti: «Hví mun ek þeira meir þurfa?»

Skarphedinn mælti: «Því þá, ef þú ert brúðr Svínfellsáss, sem sagt er, hverja ena níundu nótt, at hann geri þik at konu». Flosi hratt þá fénu ok kvaz þá engan penning skyldu af hafa, ok sagði at vera skyldi annat hvárt, at Høskuldr skyldi vera ógildir, ella skyldi þeir hefna hans [Brennu-Njálssaga 1908: 282–287].

упокоилось у двора нашего без возмещения, так чтобы мы не отомстили за них».

24. Потом взял Скарпхедин себе это длинное женское одеяние, а во Флоси бросил синими штанами, и сказал, что он в них больше нуждается. Флоси сказал: «Почему это я в них больше нуждаюсь?»

Скарпхедин промолвил: «Это потому, что коли уж ты невеста аса Свиной Горы, то, как говорят, он каждую девяную ночь пользуется тебя как бабу» (Свиная Гора — хутор Флоси, это поношение, возможно, еще и направлено против недавнего жреческого статуса Флоси как вероятного вождя-жреца в тех местах. Естественно, после такого оскорбления, носящего к тому же характер вредоносной магии, всякое примирение стало невозможным (др.-исл. *piðg* — «поношение»). — *И.Г.*)

Флоси отпихнул тогда те деньги и сказал, что ни единого пенинга не возьмет, и добавил, что должно случиться одно из двух: или Хёскульд останется неотплаченным, или они отомстят за него (перевод мой. — *И.Г.*)

Поскольку тяжбу не удалось урегулировать на тинге, Флоси решает жестоко отомстить — сжечь семью Ньяля на его хуторе. Флоси с его людьми удалось окружить длинный дом Ньяля и поджечь его. Семья Ньяля представляла собою типичную древнеиндоевропейскую патрилокальную расширенную семью из трех поколений: взрослые сыновья Ньяля жили со своими женами и малолетними детьми под крышей жилища своего отца. Это жилище представляло собой длинный древнегерманский дом столбовой конструкции. Флоси позволил выйти женщинам и малолетним де-

тям, но зарубил прикрывшегося женской накидкой сына Няля. Далее следует одна из самых сильных трагедий, описанных в мировой литературе. Престарелые супруги, Няль и Бергтора, ложатся рядом, попросив домашнего раба прикрыть их воловьей шкурой. А между ними по собственной воле ложится малолетний внук, давший обещание бабушке никогда не разлучаться. Эти трое гибнут, задохнувшись от дыма. Гибнут и сыновья Няля, в том числе и Скарпхедин, сохранивший отвагу и мрачное чувство юмора до своей смерти. Сожжение Няля случилось в 1010 или 1011 г.

После убийства Няля на тингах развернулась тяжба, почти расколовшая весь народ Исландии пополам. На стороне родичей Няля, вменивших Флоси иск за убийство Няля, были люди Западных Фьордов, а Флоси удалось заручиться поддержкой людей Восточных Фьордов. В качестве главного консультанта по толкованию законов кровник за Няля Мёрд привлек Торхалля, сына Асгрима, а Флоси подкупил другого сведущего знатока законов — Эйольва, сына Бёльверка. Состязание между Мёрдом и Эйольвом составляет основную сюжетную канву этой крупнейшей тяжбы на исландском тинге Восточной Четверти.

Существенно, как следовало юридически грамотно вести тяжбу, «по законам все-войска» (*at allsherjar lögum*), то есть вооруженного народа. Истец должен был дважды предъявить обвинение одними и теми же словами, используя особую юридическую терминологию, сторона истца должна была предоставить свидетельства *двух свидетелей предъявления обвинения* (они назывались *lýsingarvottar*), также излагаемые теми же словами, что и предъявление обвинения истцом, а также представить *соседей места убийства* числом *девять* (они назывались *vettvangsbúar*). Соседи принимали предварительное решение (в данном случае это решение было принято в пользу истца). Три дюжины судей (*dómendur*) должны были судить окончательно в данном случае.

Глава 142 «Саги о Няле» не имеет аналогов даже в традиции родовых саг по подробности описания юридической процедуры тяжбы на тинге и по насыщенности юридической терминологией и формулами:

CXLII, 1. Er nú kyrt, þar til er dómar skulu út fara. Þjoggu þeir sik þá til hváirtveggju ok vápnuduz; þeir gerðu hváirtveggju herkuml á hjálmum sínum.

2. Þórhallr Ásgrímsson mælti: «Farið þér nú at engu alloestir ok gerið nú allt sem réttast. En ef nokkut vandaz í fyrir yðr, látið mik vita sem skjótast, ok skal ek þá gefa ráð til með yðr.»

3. Þeir Ásgrímr litu til hans, ok var andlit hans sem í blóð sæi, en stórt hagl hraut ór augum honum; hann bað foera sér spjót sitt; þat hafði Skarphedinn gefit honum, ok var en mesta gorsimi.

4. Ásgrímr mælti, er þeir gengu í braut: «Eigi var Þórhalli frænda gott í hug, er hann var eptir í búðinni, og eigi veit ek, hvat hann tekr til. Nú skulu vér ganga til með Merði Valgarðssyni ok láta sem ekki sé annat, því at meiri er veiðr í Flosa en í mǫrgum öðrum».

5. Ásgrímr sendi mann til Gizurar hvíta ok Hjalta ok Guðmundar. Þeir kómu nú allir saman og gengu þegar at Austfirðingadómi; þeir gengu sunnan at dóminum.

6. En Flosi ok allir Austfirðingar með honum gengu norðan at dóminum; þar vǫru ok Reykdoelir ok Ljósvetningar með Flosa; þar var ok Eyjólfir Bǫlverksson.

7. Flosi laut at honum ok mælti: «Hér ferr vænt at: kann vera, at

CXLII, 1. Было все спокойно до тех пор, пока не пришло время, когда должны были начаться суды. И те, и другие снарядились и вооружились. И те, и другие сделали боевые значки на своих шлемах.

2. Торхаль, сын Асгрима, молвил: «Теперь не поступайте сгоряча и делайте все как можно правильнее. А если вы встретитесь с какой-нибудь трудностью, дайте мне знать как можно скорее, и тогда я дам вам совет».

3. Асgrim и его люди поглядели на него: кровь ударила ему в лицо и крупные, как град, слезы падали из его очей; он велел принести себе копье; это копье дал ему прежде Скарпхедин, это было самое большое соковище.

4. Когда они ушли прочь, Асgrim сказал: «Не хорошо было на душе у родича Торхаля, когда он остался в той землянке, и не ведаю я, что он предпримет. Теперь мы выступим с Мёрдом, сыном Вальгарда, и поведем себя никак не иначе, а так, будто тяжба с Флоси [для нас] важнее многого другого».

5. Асgrim послал человека за Гицуром Белым, за Хьяльти и за Гудмундом. Они сошлись все вместе и тотчас поехали к Суду Восточной Четверти; они приехали на суд тот с юга.

6. А Флоси и с ним все люди Восточных Фьордов приехали на суд тот с севера; с Флоси были люди из Дым-Долины и люди со Свет-Озера; там был и Эйольв, сын Бёлверка.

7. Флоси наклонился к Эйольву и молвил: «Как будто все предсказу-

eigi fari fjarri því, sem þú gatz til.» «Lát þú hljótt yfir því,» segir Eyjólfur, «koma mun þar, er vér munum þess at neyta».

8. Mörðr Valgarðsson nefndi sér vátta og bauð til hlutfalla þeim mönnum, er skóggangs-sakar áttu at soekja í dóminn, hverr sína sök skyldi fyrst soekja eða fram segja eða hverr þar næst eða hverr síðast; bauð hann loqboði at dómi, svá at dómendr heyrðu.

9. Þá váru hlutaðar framsögur, ok hlaut hann fyrst fram at segja sína sök. Mörðr Valgarðsson nefndi sér vátta í annat sinn — «Nefni ek í þat vætti, at ek tek miskviðu alla ór máli mínu, hvárt sem mér verðr ofmælt eða vanmælt.

10. Vil ek eiga réttung allra orða minna, unz ek kóm máli mínu til rétttra laga. Nefni ek mér þessa vátta eða þeim qðrum, er neyta eða njóta þur-fu þessa vættis».

11. Mörðr mælti: «Nefni ek í þat vætti, at ek býð Flosa Þórðarsyni eða þeim manni qðrum, er handselda loqvörn hefir fyrir hann, at hlýða til eiðspjalls míns ok til framsögu sakar minnar ok til sóknargagna þeirra allra, er ek hygg fram at foera á hendr honum, býð ek loqboði at dómi svá at dómendr heyra um dóm þveran».

емо: быть может, все пойдет почти так, как ты предполагал». «Молчи!», говорит Эйюльв. «Может статься, что мы этим воспользуемся».

8. Мёрд, сын Вальгарда, назвал своих свидетелей и предложил бросить жребий тем людям, которые требовали проведения в суде решения об изгнании виновных «в лес» (то есть объявления подсудимых вне закона. — И.Г.), кто свое дело должен вести прежде всех и прежде всех говорить, кто выскажется за ним, а кто — напоследок; предложил он это согласно законам на суде, так что судьи слышали.

9. Тогда был брошен жребий, и выпало ему первому говорить свое дело. Мёрд, сын Валь-Гарда, назвал своих свидетелей в другой раз. «Я призываю свидетелей в том, что я изымаю все ошибочные речи из моего дела, коли мне случится сказать лишнее или допустить недомолвки.

10. Хочу я править все слова мои до тех пор, пока я не приведу дело моё в согласие с правильными законами. Называю я свидетелей всего этого для себя или для тех других, которые воспользуются или которым нужно будет воспользоваться этим свидетельством».

11. Мёрд молвил: «Я призываю свидетелей в том, что я предлагаю Флоси, сыну Торда, или тем другим людям, которые по его поручению будут защищать его по закону, выслушать клятву моей присяги и изложение моего иска, и все те доказательства, которые я думаю предоставить против него. Предлагаю я это согласно закону на суде, так чтобы судьи слышали на суде».

12. Mjörðr mælti: «Nefni ek í þat vætti.» sagði hann, «at ek vinn eið at bók, lög eið, ok segi ek þat guði, at ek skal svá sök þessa soekja, sem ek veit sannast ok réttast ok helzt at lögum, ok öll lög mæt skil af hendi inna, meðan ek em at þessi máli».

13. Síðan kvað hann svá at orði: «Þórodd nefnda ek í vætti, annan Þorbjörn, nefnda ek í þat vætti, at ek lýsta lög mætu frumhlaupi á hönd Flosa Þórðarsyni á þeim véttvangi, er Flosi Þórðarson hljóp lög mætu frumhlaupi til Helga Njálssonar, þá er Flosi Þórðarson særði Helga Njálsson holdundarsári eða mergundar, því er at ben gerðiz en Helgi fékk bana af.

14. Talða ek hann eiga at verða um sök þá mann sekjan, skógarmann, óalanda, óferjanda, óráðanda öllum bjargráðum; talða ek sekt fé hans allt, hálf mér en hálf fjórðungsmönnum þeim, er sekðarfé eigu at taka eftir hann at lögum.

15. Lýsta ek til fjórðungsdóms þess, er sokin á í at koma at lögum; lýsta ek lög lýsing; lýsta ek í heyranda hljóði að Lögbergi, lýsta ek nú til sóknar í sumar ok til sekðar fullrar á hönd Flosa Þórðarsyni; lýsta ek handseldri sök Þorgeirs Þórissonar.

12. Мёрд сказал: «Я призываю свидетелей в том, что я приношу клятву на Книге, законную клятву, и говорю я Богу, что я буду так вести это дело, как, я знаю, правдивее всего, правильнее всего, и законнее всего будет, и все по закону пойдет, ведомое мною собственноручно, покуда я участвую в этом деле».

13. Потом изрек он такие слова: «Торродда назвал я свидетелем, а другого — Торбьёрна — назвал я свидетелем того, что я предъявил иск Флоси, Тордову сыну, о его противозаконном нападении, которое заключалось в том, что Флоси, сын Торда, бросился на месте преступления в противозаконное нападение на Хельги, сына Ньяля, и тогда Флоси, Тордов сын, нанес Хельги, сыну Ньяля, тяжкие раны, так что оказался костный мозг и внутренности, и Хельги принял от этого насильственную смерть».

14. Сказал я, что он должен стать за убийство человека изгнанником, «лесным человеком», которого не кормят, не указывают ему путь, не дают советы в помощь. Сказал я, что он должен лишиться всего своего имущества — половину надо отдать мне, а половину — тем людям Четверти, которые имеют право на имущество объявленного вне закона».

15. Заявил я об этом Суду Четверти, в который иск должен идти по закону, и заявил законным путем. Заявил это я во всеуслышание со Скалы Закона. Предъявил я иск и полное обвинение Флоси, Тордову сыну, этим летом. Предъявил я переданный мне на руки иск Торгейра, Торирова сына.

16. Hafða ek þau orð qll í lýsingu minni, sem nú hafða ek í framsögu sakar minnar. Segi eg svá skapaða skóg-gangsök þessa fram í Austfirðingadóm yfir hqfði Jóni, sem ek kvað at, þá er ek lýsta».

<...>

30. Mqrðr Valgarðsson nefndi sér vátta: «í þat vætti,» sagði hann, «at ek býð búum þeim níu, er ek kvadda um sök þessa, er ek hqfðaða á hqnd Flosa Þórðarsyni, til setu vestr á árbakka ok til ruðningar um kvið þann; býð ek lqgboði at dómi, svá at dómendr heyra».

31. Mqrðr nefndi sér vátta í annat sinn: «í þat vætti, at ek býð Flosa Þórðarsyni eða þeim manni qðrum, er hand-selda lqgvorn hefir fyrir hann, til ruðningar um kvið þann, er ek hefi saman settan vestr á árbakka; býð ek lqg-boði at dómi, svá at dómendr heyra».

32. Enn nefndi Mqrðr sér vátta: «í þat vætti,» sagði hann, «at nú eru frumqogn qll fram komin, þau er sqkin-ni eigu at fylgja, boðit til

16. Те же слова содержатся в предьявлении моего иска, какие были и прежде в изложении моего иска. Излагаю я так этот иск об объявлении вне закона на Суде Восточной Четверти на Йоновой Голове, как я говорил тогда, когда я предьявлял обвинение».

(Затем свидетели дважды повторяют иск, используя те же юридические формулы, что и Мёрд, фактически дословно. После этого истец обращается к соседям места преступления, которые, как он надеется, вынесут решение, осуждающее Флоси. — И.Г.).

<...>

30. «В том свидетельствую», сказал он, «что я предлагаю тем девятиерым соседям места преступления, которых я вызвал по этому иску, который я предьявил Флоси, Тордову сыну, шесть западнее на речном берегу, чтобы другая сторона отвела тех из них, которые неправомочны. Предлагаю я это по закону на суде, так что судьи слышат».

31. Мёрд, Вальгардов сын, назвал себе свидетелей в другой раз. «Призываю я вас в свидетели того, — сказал он, — что я предлагаю Флоси, Тордову сыну или тому другому человеку, который имеет право на его законную защиту, которое передал ему собственноручно Флоси, отвести неправомочных соседей места преступления, которых я посадил вместе к западу на берегу реки. Предлагаю я по закону на суде, так что судьи слышат».

32. И назвал Мёрд себе свидетелей. «В том свидетельствую», сказал он, «что ныне пройдено все, что должно следовать по этому делу: предложено принести клятву, принесена клятва,

eiðspjalls, unninn eiðr, sögð fram sök, borit lýsingarvætti, borit sakartökuvætti, boðit búum í setu, boðit til ruðningar um kvið.

33. Nefni ek mér þessa vátta at gögnum þessum, sem nú eru fram komin, ok svá at því, at ek vil eigi vera sök horfinn, þó at ek ganga frá dómi gagna at leita eða annarra ørenda».

34. Þeir Flosi gengu nú þan-gat til, sem búamir sátu. Flosi mælti til þeira: «Þat munu Sigfússynir vita, hversu réttir véttvangsbúar þessir eru, er hér eru kvaddir».

35. Ketill ór Mörk svarar: «Hér er sá búí, er helt Merði Valgarðssyni undir skírn, en annarr er þrimenningr hans at frændsými».

Töldu þeir þá frændsými ok sönnuðu með eiði.

36. Eyjólfir nefnir sér vátta, at kviðrinn skyldi standa þar til fyrst at ruddr væri.

37. Í annat sinn nefndi Eyjólfir sér vátta: «í þat vætti,» sagði hann, «at ek ryð þessa menn báða ór kviðinum,» — ok nefndi þá á nafn ok svá feðr þeira — «fyrir þá sök, at annarr þeira er þrimenningr Marðar at frændsými en annarr at guðsifjum þeim, er kviðu eigu at ryðja at lögum.

изложен иск, принесены свидетельские показания о предъявлении обвинения, принесены свидетельские показания о передаче тяжбы, предложено соседям места преступления сидение, предложено отвести неправомочных соседей места преступления.

33. Призываю я себе этих свидетелей в этом деле, как оно ныне проведено, и в том, что я не хочу оказаться обвиненным, если я уйду с суда, чтобы ис-кать доказательств или по другим по-ручениям».

34. Флоси и его люди пошли теперь туда, где заседали соседи места пре-ступления. Флоси молвил им: «Должны Сигфусовы сыны знать, насколько правомочны эти соседи места престу-пления, которые вызваны сюда».

35. Кетиль из Леса отвечает: «Здесь тот сосед места преступления, кото-рый крестил Мёрда, Вальгардова сына, а другой — троюродный родич по дальнему родству». Высчитали они тогда дальнейшее родство и удостове-рили свои слова клятвой.

36. Эйольв называет себе свидетелей в том, что это собрание соседей долж-но оставаться на месте, до того, как будет объявлен отвод.

37. В другой раз назвал Эйольв себе свидетелей «в свидетельстве того», сказал он, «что я лишаю обоих этих людей права вынесения приговора» — и назвал тогда их по имени и также отцов их «по той причине, что один из них — троюродный родич Мёрда по дальнему родству, а другой — по Бо-жьему родству, поэтому они должны быть отведены из собрания соседей места убийства по закону.

38. Eruð þit fyrir laga sakir ónýttir í kviðinum, því at nú er rétt lögruðning til yðvar komin; ryð ek ykkir ór at alþingismáli réttu ok allsherjar lögum; ryð ek handseldu máli Flosa Þórðarsonar».

39. Nú mælti ǫll alþýða ok kváðu ónýtt málit fyrir Merði; urðu þá allir á þat sáttir, at þá væri framfar vǫrn en sókn.

<...>

77. Búar Marðar gengu at dómi; talði einn fram kviðinn, en allir guldu samkvæði, ok kvað svá at orði: «Mǫrðr Valgarðsson kvaddi oss kviðar þegna níu, en vér stöndum hér nú fimm, en fjórir eru ór ruddir.

78. Hefir nú váttorð komit fyrir þá fjóra, er bera áttu með oss; skylda nú til lög at bera fram kviðinn.

79. Váru vér kvaddir at bera um þat, hvárt Flosi Þórðarson hljóp lögsmætu frumhlaupi til Helga Njálssonar á þeim véttvangi, er Flosi Þórðarson særði Helga Njálsson holundar sári eða mergundar, því er at ben gerðiz en Helgi fekk bana af.

38. Вы двое по закону бесполезны для вынесения приговора, потому что ныне правильный законный отвод доведен до вас. Отвожу я вас по правой речи альтинга и законам всего войска-народа. Отвожу я по делу, переданно-му мне собственноручно Флоси, Тордовым сыном».

39. Теперь поднялась молва во всем народе, и говорили, что бесполезен иск Мёрда. Стали тогда все в том согласны, что защита опередила обвинение...

(Стороне защиты удалось отвести еще двух соседей места преступления и таким образом сделать приговор этой судейской коллегии не имеющим юридической силы. — И.Г.)

<...>

77. Мёрдовы соседи места убийства вышли на суд. Один из них вынес приговор тот, а другие ответили (букв. «отплатили». — И.Г.) согласием, и слово его было таково: «Мёрд, Вальгардов сын, вызвал нас, девять служителей приговора, но мы стоим здесь ныне впятером, потому что четверо были отведены.

78. Пришло свидетельское слово против тех четверых, которые должны были вынести решение с нами. Должно ныне по закону вынести это решение.

79. Нас вызвали, чтобы вынести решение о том, бросился ли Флоси, сын Торда, на месте преступления в противозаконное нападение на Хельги, сына Няля, и тогда Флоси, Тордов сын, нанес Хельги, сыну Няля, тяжкие раны, так что показался костный мозг и внутренности, и Хельги принял от этого насильственную смерть.

80. Kvaddi hann oss þeira orða allra, er oss skylda lög til um at skilja ok hann vildi at dómi beitt hafa ok þessu máli áttu at fylgja; kvaddi hann lögkvöð; kvaddi hann svá, at vér heyrðum á; kvaddi hann um handselt mál Þorgeirs Þórissonar.

81. Höfu vér nú allir eiða unnit ok réttan kvið várn ok orðit á eitt sáttir, berum á Flosa kviðinn ok berum hann sannan at sökinni. Beru vér svá skapaðan níu búa kvið þenna fram í Austfirðingadóm yfir höfði Jóni, sem Mjörðr kvaddi oss at. Er sá kviðr várr allra.» sögðu þeir.

82. Í annað sinn báru þeir kviðinn ok báru um sár fyrr en um frumhlaup síðar, en öll önnur orð báru þeir sem fyrr; báru þeir á Flosa kviðinn og báru hann sannan at sökinni [Brennu-Njálssaga 1908: 348–353, 358–359].

80. Потребовал он от нас все те слова, которыми нас обязывает закон делиться, и что он хотел от нас просить на суде и что должно следовать по этому делу. Потребовал он по закону. Потребовал он так, чтобы мы слышали. Потребовал он по иску, переданному собственноручно Торгейром, Торировым сыном.

81. Ныне мы все в согласии дали клятвы, и правое решение наше и слово наше, в том, что мы выносим Флоси приговор наш и объявляем его виновным в этом преступлении. Выносим мы, девять соседей места убийства, таким образом оформленный приговор на суд Восточной Четверти над Головой Йона, как этого потребовал от нас Мёрд. Это решение всех нас», сказали они.

82. В другой раз вынесли они это решение, но сказали сначала про рану, а про нападение — потом, но все другие слова они сказали, как прежде. Вынесли они этот приговор Флоси и признали его виновным в этом преступлении» (перевод мой. — И.Г.).

Итак, сторона Флоси смогла объявить неправомочными несколько человек из соседей места преступления на основании дальнего родства с Мёрдом по крови и крестного родства (последнее, конечно, является новацией, введенной после принятия христианства в 1000 г.). Поэтому решение соседей места преступления в пользу Мёрда оказалось неправомочным. Таким образом, несмотря на явную правоту, Мёрд и другие кровники за Няля не смогли противостоять крючкотворству Эйольва, который сначала отвел неправомочных соседей, а затем нашел, что дело рассматривается не в том суде (в связи с учреждением незадолго до этого Пятого Суда), и, наконец, обманул Мёрда, сделав так, что сторона

Мёрда вывела шесть человек из состава судейской коллегии, а сторона Флоси этого не сделала, и приговор, осуждающий Флоси, оказался неправомочным, так как судили три с половиной дюжины судей, а должны были судить три дюжины (гл. 144). Так люди Западных Фьордов во главе с Мёрдом проиграли явно справедливый иск. Мстители за Ньяля были возмущены, и между людьми Западных Фьордов во главе с Мёрдом и Торхаллем и людьми Восточных Фьордов во главе с Флоси произошло крупное сражение прямо на тинге, в котором люди Флоси были разбиты (1011 или 1012 г.?). После битвы главные участники распри заключили мир, причем тинг теперь уже решил дело в пользу Мёрда, и принимал решение 12 судей (гл. 145). Лишь муж дочери Ньяля Кари, которому единственному удалось выбраться из горящего дома Ньяля, счел себя вправе мстить людям Флоси.

Касательно решения тинга, то, как правило, убийцу вынуждали заплатить виру, как было показано выше (в эпизоде виры за Хёскульда). Но преступник, не желающий платить виры или совершивший тяжкие преступления, вроде убийства своих родичей или убийства женщины, мог быть объявлен вне закона, назван «лесным человеком». В таком случае противная сторона имела право вершить над ним расправу с конфискацией имущества. Подобная процедура показана в «Саге о Хравнкеле, годи Фрейра».

Следует думать, что корни древнеисландских судебных процедур простираются в бездонные глубины архаики. Так, как свидетельствует описание т.н. «чудес на Вещей Реке» (эта эпидемия разразилась в 1000–1001 г. н.э.) в «Саге о людях с Песчаного Берега», можно было судиться даже с вредоносными мертвецами, причем тут показан архаичный, по мнению многих исследователей, «суд [у] дверей» (др.-исл. *duradomr*). Процедура проходит так же, как на тинге, с персональной подачей иска частными лицами и вызовом соседей места преступления. Единственное отличие состоит в том, что процесс проходит в древнегерманском длинном доме, а подсудимые, в данном случае вредоносные мертвецы Торир Деревянная Нога, утопленник Тородд, их дружины, жена Торира Деревянной Ноги Торгрима Колдовская Щека и безымянный пастух, со смерти которого все и началось, сидят на обеденной скамье у открытого очага древнегерманского

длинного дома, покуда не оглашен приговор, заставляющий осужденных покойников убраться восвояси:

ЛШ, 1. Þat bar hér næst til tíðenda, at sauðamaðr kom inn með hljóðleikum miklum; hann mælti fátt, en af stygð þat er var; sýndiz mönnum þannveg helzt, sem hann mundi leikinn, þvíat hann fór hjá sér ok talaði við sjálfan sik, ok fór svá fram um hríð.

2. En er eigi mjök langt var liðit af vetri, kom sauðamaðr heim eitt kveld, gekk þá til rekkju sinnar ok lagðiz þar niðr; en um morgininn var hann dauðr, er menn kómu til hans, ok var hann grafinn þar at kirkju.

3. Brátt eptir þetta gerðuz reimleikar miklir. Þat var eina nótt, at Þórir viðleggj gekk út nauðsynja sinna ok frá durunum annan veg; ok er hann vildi inn ganga, sá hann, at sauðamaðr var kominn fyrir dyrrnar; vildi Þórir inn ganga, en sauðamaðr vildi þat víst eigi; þá vildi Þórir undan leita, en sauðamaðr sótti eptir ok fekk tekit hann ok kastaði honum heim at durunum; honum varð illt við þetta, ok komz þó til rúms sins, ok var víða orðinn kolblár.

4. Af þessu tók hann sótt ok andaðiz; var hann ok grafinn þar at kirkju; sýnduz þeir báðir jafnan síðan í einni ferð,

ЛШ, 1. Далее случилось такое событие, что пастух однажды явился домой и не проронил ни слова. Говорил он мало, а в том, что он произносил, сквозила злоба. Люди заключили, что его, скорее всего, заиграла нечистая сила, ибо он сторонился прочих людей и разговаривал сам собой.

Так продолжалось некоторое время.

2. А когда с начала зимы прошло много времени, случилось так, что пастух явился домой, пошел напрямиком к своей постели и улегся в нее. Наутро, когда к нему подошли, он был уже мертв; его похоронили на хуторе у церкви.

3. Вскоре после этого обитателям хутора стали сильно досаждают привидения.

Однажды ночью Торир Деревянная Нога вышел из дома по нужде и отошел от сеней в сторону. Когда он хотел зайти обратно, то увидел, что перед дверьми стоит пастух. Торир хотел войти в дом, но пастух, как выяснилось, вовсе этого не хотел. Тогда Торир хотел зайти в другом месте, но пастух нагнал его, схватил и отшвырнул назад к сеням. Ториру стало от этого больно, и хотя он кое-как добрался до своей постели, на теле его в разных местах образовались черные, как уголь, отметины.

4. От этого он подхватил болезнь и умер; его, как и пастуха, похоронили у церкви. После этого оба они, пастух и Торир Деревянная Нога, неизменно

sauðamaðr ok Þórir viðleggr; ok af þessu varð fólkitt allt óttafullt, sem ván var.

Eptir andlát Þóris tók sótt húskarll Þóroddr ok lá þrjár nætr, áðr hann andaðiz; síðan dó hvárr at öðrum, þar til sex váru látnir; var þá komit at jólaföstu, en þó var þann tíma eigi fastat á Íslandi.

5. Skreiðinni var svá hlaðit í klefann, at hann var svá fullr, at eigi mátti hurðinni upp lúka, ok tók hlaðinn upp undir þvertré, ok varð stíga til at taka at rjúfa hlaðann ofan. Þat var eitt kveld, er menn sátu við málelda, at heyrtr var í klefann, at rifin var skreiðin, en þá er til var leitit, fannz þar eigi kvikt.

6. Þat var um vetrinn litlu fyrir jól, at Þóroddr bóndi fór út á Nes eptir skreið sinni; þeir váru sex saman á teinæringi ok váru út þar um nóttina.

Þat var tíðenda at Fróðá þat sama kveld, er Þóroddr hafði heiman farit, at máleldar váru gorrvir; ok er menn kómu fram, sá þeir, at selshöfuð kom upp ór eldhúsgólfinu.

7. Heimakona ein kom fyrst fram ok sá þessi tíðendi; hon tók lurk einn, er lá í durunum, ok laust í höfuð selnum; hann gekk upp við höggit ok

разгуливали вместе: весь народ был сильно напуган, чего следовало ожидать.

После кончины Торира болезнь подхватил работник Тородда; он лежал три ночи, а потом умер. Затем стали умирать один за другим, так что всего скончалось шесть человек. Это было в канун рождественского поста, но в то время в Исландии еще не было принято поститься.

5. Чулан с вяленой рыбой загрузили под завязку, настолько, что дверцу было невозможно открыть. Куча доставала до балки крыши, и пришлось подставить лестницу для того, чтобы сбрасывать рыбу с верхушки кучи на пол. По вечерам, когда люди сидели за ужином возле огня, происходили странные вещи: из чулана слышался такой звук, словно кто-то рвет вяленую рыбу на части. Но когда попытались выяснить, что тут кроется, ничего живого обнаружено не было.

6. Зимой перед самым йолем бонд Торродд выехал к оконечности Мыса, чтобы пополнить запасы вяленой рыбы. Всего их было шесть человек на десятивесельном судне; ночь они провели в море. В тот же вечер, когда Торродд выехал из дому, на Вещей Реке случилось такое событие, что, когда зажгли огни для трапезы, и люди пришли ужинать, они увидели, как из кострища, прямо из пола (перевод мой. — И.Г.), высунулась голова тюленя.

7. Ближе всего к месту оказалась одна из работниц, которая и заметила это чудо первой; она схватила лежавший у дверей валеk для белья и огрела им тюленя по голове. От удара тюлень подроc

gægdiz upp á arsalinn Þor-
gunnu. Þá gekk til húskarl ok
barði selinn; gekk hann upp
við hvert hogg, þar til at hann
kom upp yfir hreifana, þá fell
húskarl í óvit; urðu þá allir
óttafullir, þeir er við váru.

8. Þá hljóp til sveinninn Kjar-
tan ok tók upp mikla járn-
drepsleggju ok laust í hofuð
selnum, ok varð þat hogg
mikít, en hann skók hofuðit
ok litaðiz um; lét Kjartan þá
fara hvert at öðru, en selrinn
gekk þá niðr við, sem hann
ræki hæl; hann barði þar til, at
selrinn gekk svá niðr, at hann
lamði saman gólfít fyrir ofan
hofuð honum, ok svá fór jaf-
nan um vetrinn, at allir fyrir-
burðir óttuðuz mest Kjartan.

выше и устался на полог постели
Торгунны. Тут подошел работник и
принялся лупить тюленя; от каждого
удара тот подрастал, пока, наконец, не
встал на задние плавники. Тогда работ-
ник упал в обморок, а все, кто был при
этом, были сильно напуганы.

8. Тут подбежал юный Кьяртан, под-
хватил большую кувалду и огрел ей
тюленя по голове: удар был очень
сильным, но тюлень только потряс го-
ловой и повел вокруг глазами. Тогда
Кьяртан принялся наносить удар за
ударом, и тюлень стал опускаться,
словно приседая на пятки. Кьяртан
бил его до тех пор, пока тюлень весь
не ушел вниз; он разбил пол над его
головой вдребезги. И всю зиму было
именно так, что разная нечисть боль-
ше всего опасалась Кьяртана.

LIV, 1. Um morguninn, er
þeir Þóroddr fóru útan af Nesi
með skreiðina, týnduz þeir al-
lir út fyrir Enni; rak þar upp
skipit ok skreiðina undir En-
nit, en líkin fundus eigi.

En er þessi tíðendi spurðuz til
Fróðár, buðu þau Kjartan ok
Þuríðr nábúum sínum þangat
til erfis; var þá tekit jólaql þeira
ok snúit til erfisins.

2. En et fyrsta kveld, er menn
váru at erfínu ok menn váru í
sæti komnir, þá gengr Þórod-
dr bóndi í skálann ok
fgrunautar hans allir alvátir.

3. Menn fognuðu vel Þóroddi,
þvíat þetta þótti góðr fyrir-
burðr, þvíat þá hofðu menn þat
fyrir satt, at þá væri mǫnnum

LIV, 1. Наутро, когда Тородд и его
люди отправились с Мыса в обрат-
ный путь с вяленой рыбой на борту,
все они потонули напротив Лба; ко-
рабль и вяленую рыбу прибило к под-
ножию Лба, а тела найдены не были.

Когда весть о случившемся дошла до
Вещей Реки, Кьяртан и Турид позва-
ли соседей на тризну; вынесли брагу,
припасенную для йоля, и стали справ-
лять тризну.

2. И в первый же вечер, когда гости
пришли на тризну и уселись на свои
места, бонд Тородд и его утонувшие
спутники вошли в покои; все они
были насквозь мокрые.

3. Люди приветствовали приход То-
родда, ибо это считалось добрым
предзнаменованием: в те времена по-
читали за правду, что коли погибшие

vel fagnat at Ránar, ef sædaudir menn vitjuðu erfis síns, en þá var enn lítt af numin forneskjan, þóat menn væri skírðir ok kristnir at kalla.

4. Þeir Þóroddr gengu eptir endilöngum setaskálanum, en hann var tvídyraðr; þeir gengu til eldaskála ok tóku enskis manns kveðju; settuz þeir við eldinn, en heimamenn stukku ór eldaskálanum, en þeir Þóroddr sátu þar eptir, þar til er eldrinn var folskaðr; þá hurfu þeir á brott.

5. Fór þetta svá hvert kveld, meðan erfit stóð, at þeir kómu til eldanna; hér var mart um roett at erfinu; gátu sumir, at þetta mundi af taka, er lokit væri erfinu; fóru boðsmenn heim eptir veizluna, en þar vátu hýbyli heldr dauflig eptir.

6. Þat kveld, er boðsmenn vátu brottu, vátu gorrvir máleldar at vanða; en er eldar brunnu, kom Þóroddr inn með sveit sína, ok vátu allir vátir; settuz þeir niðr við eldinn ok tóku at vinda sik; ok er þeir hǫfðu niðr sez, kom inn Þórir viðleggr ok hans sveitungar sex, vátu þeir allir moldugir;

7. Þeir skóku klæðin ok hreyttu moldinni á þá Þórodd; heimamenn stukku ór eldhúsinu, sem ván var at, ok hǫfðu hvárki á því kveldi ljós né steina ok enga þá hluti,

на море приходят на свою тризну, это значит, что Ран приняла их радушно. Древняя вера была еще не изжита, хотя все люди были уже крещены и считались христианами.

4. Тородд и его спутники прошли вглубь главных покоев; покои были разделены двумя дверьми. Они прошли к очагу, и, не ответив на приветствия людей, уселись возле огня. Домочадцы рванулись из покоев прочь, а Тородд со спутниками сидели у очага до тех пор, пока огонь не догорел; тогда они исчезли.

5. Так продолжалось каждый вечер, пока справляли тризну, и они неизменно приходили к очагу. На сей счет за столом было множество пересудов; некоторые полагали, что все это по завершении тризны должно прекратиться.

Вот званые гости разъехались с угощения домой; после этого развлечения поубавилось.

6. В тот вечер, когда званые гости уехали прочь, на хуторе, как обычно, зажгли огни для ужина. Но когда огни разгорелись, вошел Тородд вместе со своей челядью: все они были мокрые. Они уселись возле огня и принялись выжимать свою одежду. И едва Тородд со своей братией уселся у очага, как в покои вошел Торир Деревянная Нога с шестью спутниками: все они были покрыты землей.

7. Они затрясли своими одеждами и стали сбрасывать землю на Тородда и его спутников. Домочадцы рванулись из покоев прочь, чего следовало ожидать; у них под рукой ни оказалось ни лучины, ни разогретых

at þeir hefði neina veru af eldinum.

8. Annat kveld eptir var máleldr gorr í öðru húsi; var þá ætlat, at þeir mundu síðr þangat koma; en þat fór eigi svá, þvíat allt gekk með sama hætti, ok et fyrra kveldit; kómu þeir hváirt-veggju til eldanna.

9. Et þriðja kveld gaf Kjartan þat ráð til, at gera skyldi langeld mikinn í eldaskála, en máleld skyldi gera í öðru húsi, ok svá var gort; ok þá endiz með því móti, at þeir Þóroddr sátu við langeld, en heimamenn við enn litla eld, ok svá fór fram um öll jólin.

10. Þá var svá komit, at meir ok meir lét í skreiðarhlaðanum; var þá svá at heyra nætr sem daga, at skreiðin væri rifin.

Eptir þat váru þær stundir, at skreiðina þurfti at hafa; var þá leitit til hlaðans, ok sá maðr, er upp kom á hlaðann, sá þau tíðendi, at upp ór hlaðanum kom rófa, vaxin sem nautsrófa sviðin, hon var snögg ok selhár; sá maðr, er upp fór á hlaðann, tók í rófunu ok togaði ok bað aðra menn til fara með sér.

11. Fóru menn þá upp á hlaðann, bæði karlar ok konur, ok toguðu rófunu ok fengu eigi at gort; skilðu menn eigi annat, en rófan

камней, ни прочих нужных вещей, так что от огня в тот вечер им не было ровно никакого прока.

8. На следующий вечер огни для трапезы зажгли в другом помещении; была надежда, что привидения не найдут туда дороги, но она оказалось напрасной. Все повторилось в точности так, как в предыдущий вечер: и те, и другие явились на огни.

9. На третий вечер Кьяртан подал совет разжечь в покоях большой длинный огонь (перевод мой. — И.Г.), а огни для трапезы зажечь в другом помещении. Так и поступили. Совет действовал, и Тородд с братией сел у продольного огня, а домочадцы — возле малого огня, и так продолжалось весь йоль.

10. Шум, доносившейся из кучи вяленой рыбы, с течением времени становился громче и громче; и днем, и ночью можно было услышать, как трещит разрываемая на части рыба. Однажды пришла нужда взять вяленую рыбу. Тогда отправились к чулану, и человек, поднявшийся наверх, увидел, что из кучи торчит хвост, размером с паленый бычий; он был короткий, с волосками, похожими на тюлений ворс. Человек, поднявшийся на кучу, взялся за хвост, потянул за него и присоединил остальных.

11. Тогда к нему на кучу взобралось множество народу, мужики да бабы (перевод мой. — И.Г.): они потащили хвост вместе, но ничего не вышло. Люди были убеждены, что хвост мерт-

væri dauð; ok er þeir toguðu sem mest, strauk rófan ór hǫndum þeim, svá at skinnit fylgði ór lófum þeira, er mest hǫfðu á tekit, en varð eigi síðan vart við rófunu; var þá skreiðin upp borin, ok var þar hverr fiskr ór roði rifinn, svá at þar beið engan fisk í, þegar niðr sótti í hlaðann, en þar fannz engi hlutr kvíkr í hlaðanum.

12. Næst þessum tíðendum tók sótt Þórgríma galdrakinn, kona Þóris viðleggs; hon lá litla hríð, áðr hon andaðiz; ok et sama kveld, sem hon var jǫrðuð, sáz hon í liði með Þóri, bónda sínum.

13. Þá endrnýjaði sóttina í annat sinn, þá er rófan hafði sýnz, ok ǫnduðuz þá meir konur en karlar; létuz þá enn sex menn í hríðinni, en sumt fólk flýði fyrir reimleikum ok aþrǫngum.

Um haustit hǫfðu þar verit þrír tígir hjóna, en átján ǫnduðuz, en fimm stukku í brottu, en sjau váru eptir at góí.

LV, 1. En þá, er svá var komit undrum þeim, var þat einn dag, at Kjartan fór inn til Helgafells at finna Snorra goða, móðurbróður sinn, ok leitaði ráðs við hann, hvat at skyldi gera undrum þeim, er yfir váru komin.

2. Þá var kominn prestur sá til Helgafells, er Gizorr hvíti

вый. Но когда они потянули со всей силы, хвост вырвался у них из рук так резко, что те, кто схватился за него крепче других, содрали себе на ладонях всю кожу. После этого хвоста больше никто не видел.

Затем из чулана вытащили вяленую рыбу; с каждой рыбешки была содрана кожа, а в нижней части кучи не осталось вообще ни одной целой рыбы. При этом в куче не обнаружилось ни единого живого существа.

12. Вскоре после этих событий заболела Торгрима Колдовская Щека, жена Торира Деревянная Нога. Она пролежала недолгое время и умерла, и в тот же вечер, когда ее тело предали земле, ее видели в обществе ее мужа Торира.

13. После появления хвоста болезнь вспыхнула с новой силой, и теперь умирали больше женщины, чем мужчины. За короткое время скончалось шесть человек, а кое-какой народ сбежал из-за привидений и восставших мертвецов. Осенью на хуторе было три десятка домочадцев; восемнадцать из них умерло, а пятеро сбежало, так что к началу месяца гои оставалось лишь семь человек.

LV, 1. После того, как чудеса зашли так далеко, Кьяртан однажды выехал по побережью на восток к Святой Горе навестить Снорри Годи, своего дядю по матери, и попросил у него совета, как унять навалившиеся чудеса.

2. К этому времени на Святую Гору подъехал священник, которого Гицур

hafði sent Snorra goða; sendi Snorri prestinn út til Fróðár með Kjartani ok Þórð kausa, son sinn, ok sex menn aðra; hann gaf þau ráð til, at brenna skyldi arsal Þorgunnu, en soekja þá menn alla í duradómi, er aprt gengu; það prest veita þar tíðir, vígja vatn ok skripta mǫnnum, ok kvǫddu menn af næstum boejum með sér um leið, ok kómu um kveldit til Fróðár fyrir kyn-dilmessu, í þann tíma, er máleldar vǫru gǫrvir; þá hafði Þuríðr húsfreyja tekit sótt með þeim hætti, sem þeir, er látiz hǫfðu.

3. Kjartan gekk inn þegar ok sá, at þeir Þóroddr sátu við eld, sem þeir vǫru vanir. Kjartan tók ofan arsalinn Þorgunnu, gekk síðan í eldaskála, tók glóð af eldi ok gekk út með; var þá brendr allr rek-kjubúnaðrinn, er Þorgunna hafði átt.

4. Eptir þat stefndi Kjartan Þóri viðlegg, en Þórðr kausi Þóroddi bónda, um þat, at þeir gengi þar um hýbýli ólofat ok firði menn bæði lifi ok heilsu; ǫllum var þeim stefnt, er við eldinn sátu.

5. Síðan var nefndr duradómr ok sagðar fram sakir ok farit at ǫllum málum, sem á þingadómum; vǫru þar kviðir bornir, reifð mál ok doemð; en síðan er dóms orði var á lokit um Þóri viðlegg,

Белый послал Снорри Годи. Снорри отправил священника на Вещую Реку вместе с Кьяртаном и дал им в помощь своего сына Торда Кису и шесть прочих людей. Он посоветовал сжечь полог постели Торгунны и устроить у дверей суд над всеми восставшими мертвецами; священника он просил пропеть на хуторе службы, освятить там воду и исповедать людей. Созвали в помощь народ с соседних хуторов. Они прибыли на Вещую Реку в канун Мессы Свечей и явились тогда, когда зажгли огни для ужина. Турид, хозяйка хутора, к этому времени тоже слегла с болезнью; были те же признаки, что у тех, кто помер раньше.

3. Кьяртан тотчас вошел в дом и увидел, что Тородд с братией, по своему обыкновению, сидит у огня. Кьяртан сбросил полог постели Торгунны на пол; потом он зашел на кухню, достал из очага горячий уголь и вышел с ним на двор. Затем было сожжено все постельное убранство, принадлежавшее Торгунне.

4. Вслед за этим Кьяртан вчинил То-риу Деревянная Нога иск, а Торд Киса — бонду Тородду другой, за то, что они без спросу расхаживают по жилью, лишая людей здоровья и жизни. Вызваны были и все остальные, кто сидел у огня.

5. Потом были назначены соседи, чтобы рассудить это дело, и приведены основания для иска. Судебные тяжбы продвигались в точности том же порядке, что на тингах: заслушивались свидетели, подводились итоги прений и оглашался приговор.

stóð hann upp ok mælti: “Setit er nú meðan sætt er“.

После того как обвинительный приговор против Торира Деревянная Нога был оглашен, он встал и сказал так:

— Хорошо посидели, покуда нас при-
вечали.

6. Eptir þat gekk hann út, þær dyrr sem dómrinn var eigi fyrir settr; þá var lokit dómsorði á sauðamann; en er hann heyrði þat, stóð hann upp ok mælti: “Fara skal nú, ok hygg ek, at þó væri fyrr soemra“.

6. Затем он вышел вон через те двери, у которых суда еще не было.

Затем огласили обвинительный приговор против пастуха. Услышав его, пастух встал и сказал:

— Придется теперь уходить, и думаю я, что раньше было бы пристойней.

7. En er Þórgríma galdrakinn heyrði, at dómsorði var á hana lokit, stóð hon upp ok mælti: “Verit er nú, meðan vært er“.

7. Когда же Торгрима Колдовская Щека услышала, что обвинительный приговор против нее оглашен, она встала и сказала так:

— Хорошо побыли, пока нас не били.

8. Síðan sótti hvern at qðrum, ok stóð svá hvern upp, sem dómr fell á, ok mæltu allir nqkkut, er út gengu, ok fannz þat á hvers orðum, at nauðigr losnaði.

8. Затем пришел черед всех остальных, и каждый, кого признавали виновным, вставал, и все они, перед тем как уйти, что-нибудь говорили; из слов их явствовало, что каждый покидал хутор против своей воли.

9. Síðan var sókn feld á Þórodd bónda; ok er hann heyrði þat, stóð hann upp ok mælti: “Fátt hygg ek hér fríða, enda flýjum nú allir“.

9. Приговор против бонда Тородда был оглашен в последний черед. Услышав, что его признали виновным, Тородд встал и сказал:

— Здесь, по-моему, против нас ополчились, айда отсюда все прочь!

10. Síðan gengu þeir Kjartan inn; þar prestur þá vígt vatn ok helga dóma um qll hús. Eptir um daginn segir prestur tíðir allar ok messu hátíðliga, ok eptir þat tókuz af allar aptrgqngur at Fróða ok reimleikar, en Þuríði batnaði sóttarinnar, svá at hon varð heil.

10. Тогда Кьяртан и его люди зашли в покои; священник нес с собой святую воду и святые мощи и обошел с ними весь хутор. На следующий день священник торжественно пропел мессу и прочие службы, и тогда восставшие мертвецы и прочие привидения с Вещей Реки перестали являться, а болезнь Турид пошла на убыль, и она исцелилась.

11. Um várit eptir undr þessi tók Kjartan sér hjón ok bjó

11. Весной, после этих чудес, Кьяртан набрал себе новых домочадцев и про-

at Fróða lengi síðan ok varð жил на Вещей Реке немало лет, про-
enn mesti garpr [Eyrbyggja слыв большим удальцом
saga 1897: 191–197]. (перевод А.В. Циммерлинга с испр.
И.Г.) [Исландские саги 2004: 106–110].

Заключение

Древнеисландское общество состояло из патрилокальных расширенных семей, отношения между которыми регулировали обычаи кровной мести, выплаты возмещения за убитого пострадавшему родовому коллективу, а также передача на воспитание ребенка в качестве заложника-аманата и браки (последние обычаи рассмотрены в [Губанов 2008]). Чтобы отношения кровной вражды не создавали атмосферу тотального кровавого хаоса, войны всех против всех, существовал тинг — собрание правоспособных вооруженных мужчин, на котором принимались важнейшие для общества решения, в частности урегулировались конфликты между враждующими родовыми коллективами. Несмотря на то, что судебной процедуре на тинге придавалось очень большое значение, нередко здесь же происходили битвы враждебных коллективов.

На материале саг можно выявить следующие характерные черты обычая кровной мести в древнеисландском обществе:

1. Мечь была первейшим, священным долгом воина. Сакральным характер мести прекрасно иллюстрирует чудо с прозрением Амунда Слепного (гл. 106 «Саги о Ньяле»), которому Бог даровал зрение ради мести за отца.

2. Долг кровной мести имел приоритет над дружинным долгом, над необходимостью подчиняться приказам предводителя вооруженного отряда (убийство Стюром двух человек из своей и враждебной дружин в битве при Лебедином Фьорде — гл. 44 «Саги о людях с Песчаного Берега»). Таким образом, традиции «горизонтального» общества родичей были сильнее власти военных вождей, что говорит о слабости «протогосударственных» трендов в древнескандинавском обществе.

3. К мести подстрекали, как правило, женщины (гл. 116 «Саги о Ньяле» — подстрекательство Хильдигуд). Вероятно, такое поведение женщин отражало социальную реальность, причем подстрекательница была защищена законом, ей нельзя было мстить.

Исландские родовые саги позволяют также в подробностях реконструировать порядок тяжбы на тинге, принятый в древнеисландском обществе:

1. Тяжущиеся коллективы родичей часто делегировали на тинг своих влиятельных союзников в коллегии третейских судей, состоявшую из 12 человек (гл. 122–123 «Саги о Ньяле»). Коллегия двенадцати имела полномочия вынести судебное решение по делу.

2. Процедура ведения тяжбы на тинге между коллективом родичей убитого и коллективом родичей убийцы была тщательно регламентирована (гл. 142 «Саги о Ньяле»). Дважды выступал представитель стороны истца, затем два свидетеля обвинения излагали дело словами истца. Вслед за этим предварительное решение по делу принимали так называемые «соседи места убийства», 9 человек, которые, прежде всего, не должны были быть родственниками истца или зависимыми от стороны обвинения людьми. В противном случае сторона защиты могла потребовать отвода соседей. Окончательное решение принимали три дюжины судей, отвода которых тоже могли потребовать убийца, его родичи и сторонники, то есть сторона защиты (гл. 142–145 «Саги о Ньяле»).

3. Чаще всего на тинге присуждалась вира, которую должны были выплатить убийца и его родня (12 эйриров за раб-трэля, за свободного выкуп мог достигать нескольких сот эйриров, как за Хёскульда в «Саге о Ньяле»). Если примирения враждующих коллективов родичей на таких условиях достичь не удавалось, убийца мог быть объявлен «лесным человеком», то есть изгнанником в лес, человеком вне закона, имущество коего конфисковывалось, а он сам мог быть убит родичами убитого (гл. 13 «Саги о Хравнкеле, годи Фрейра»).

Значение древнеисландских саг для понимания структуры традиционного общества индоевропейцев огромно. Иных текстов, столь полно рисующих архаичное общество древних индоевропейских народов, не существует. Тексты II тыс. до н.э. из региона Восточного Средиземноморья — хеттские и пилосские таблички — рисуют достаточно развитое общество восточного типа с тотальным контролем над экономикой при сохранении рыночных механизмов. Таким образом, ахейские царства и хеттская держава ушли достаточно далеко вперед от традиционного индоевропейского общества,

базирувавшегося на взаимодействии коллективов родичей (хотя реликты строя военной демократии прослеживаются, например, в функциях древнехеттского *панкуса*). Вероятно, столь быстрая трансформация была вызвана поселением этих индоевропейских народов (хеттов и ахейских греков) в регионе, тесно связанном торговыми и иными путями с древнейшими цивилизациями планеты (Древним Египтом и Двуречьем), а также, что не менее важно, с сохранением на территории Греции и Малой Азии традиций южного неолита (развитое земледелие и скотоводство, ткаческое, гончарное и иное ремесло, кирпичное домостроительство, храмовое строительство и т.п.). Недавние революционные открытия неолитических поселений (в том числе и городов) на п-ве Малая Азия сдвигают границу неолитической революции вглубь тысячелетий, почти к концу последнего ледникового периода, к началу нынешней климатической эпохи голоцена. Таким образом, малоазиатский неолит перекрывает собою мезолит, эпоху мобильных охотников и собирателей на периферии Ойкумены малоазиатской протоцивилизации.

Однако индоевропейские народы, не проживавшие в циркумсредиземноморском регионе, надолго сохранили традиционные общественные структуры — до железного века включительно. Исландцы конца I — начала II тыс. н.э. — яркий тому пример. Если мы обратимся к сочинению Корнелия Тацита о древних германцах I в. н.э., то не обнаружим существенных различий структуры древнегерманского общества времен римского Принципата от структуры скандинавского общества тысячелетие спустя, в эпоху викингов [Губанов 2008: 5–14]. Авторитетные исследователи склоняются к мнению, что феодальная структура общества была фактически навязана скандинавскому обществу государством в XI–XIII вв., в эпоху интенсивных контактов Скандинавии с континентальной Европой [Гуревич 2009: 364]. Иное дело Исландия. Изолированность острова, принятие христианства и письменности около 1000 г. и традиции народного самоуправления при живучести структур традиционного общества родичей — это те факторы, которые породили такой феномен, как древнеисландская литература — неисчерпаемый источник по социальной организации, психологии и религиозным представлениям древних индоевропейцев.

Андреев Ю.В. 2004. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб.

Губанов И.Б. 2004. Культура и общество скандинавов эпохи викингов. СПб.

Губанов И.Б. 2008. Консерватизм древнегерманского общества: параллелизм свидетельств Корнелия Тацита и древнескандинавских источников // Скандинавские чтения–2006. СПб. С. 5–14.

Гуревич А.Я. 2009. Избранные труды. Норвежское общество. М. Исландские саги. 2004. Т. 2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга; стихи в пер. А.В. Циммерлинга и С.Ю. Агишева. М.

Ковалевский С.Д. 1977. Образование классового общества и государства в Швеции. М.

Мид М. 1988. Культура и мир детства. М.

Ольгейрссон Э. 1957. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии. М.

Петерсен Я. 2005. Норвежские мечи эпохи викингов: топохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб.

Стеблин-Каменский М.И. 2002. Древнеисландский язык. М.

Тордарсон С. 2007. Сага об исландцах / пер. с древнеисл. языка, общ. ред., вступ. ст. и коммент. А.В. Циммерлинга. СПб.

An Icelandic-English Dictionary. 1957 / initiated by R. Cleasby, subsequently revised, enlarged and completed by G. Vigfusson. Oxford, 1874. 2nd ed.

Brennu-Njáls saga. 1908 // Altnordische Saga — Bibliothek / ed. G. Cederschiöld, H. Gering und E. Mogk. Halle. Hf. 13.

Eyrbyggja saga. 1897 // Altnordische Saga — Bibliothek / ed. G. Cederschiöld, H. Gering und E. Mogk. Halle. Hf. 6.

Larsson M.M. 1966. Logretta // KLNМ. Bd. 11. S. 136–137.

Larsson O. 1956. Alþingi // KLNМ. Bd. 1. S. 123–126.

Miller W.I. 1990. Bloodtaking and Peacemaking: Feud, Law, and Society in Saga Iceland. Chicago.

Rud M. 1994. The Bayeux Tapestry and the Battle of Hastings 1066 / Translated from the Danish by C. Dojesen. Copenhagen.

Vestergaard T.A. 1988. The system of kinship in early Norwegian law // Mediaeval Scandinavia. Odense. № 12. P. 160–193.